

VISIT...

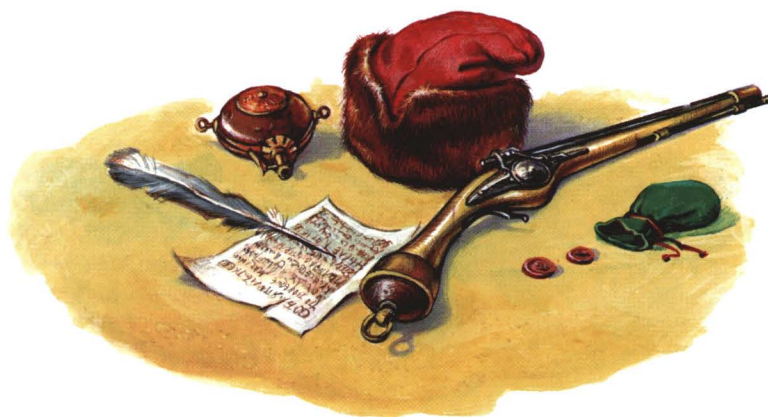
LANZAROTE
Caliente.COM

*Рекомендовано Министерством образования РФ
для дополнительного образования*

ИСТОРИЯ РОССИИ
КОРОЛЬ ПРЕСТУПНОГО
МИРА
Ванька Каин

Повесть Ю. Крутогорова
Художник И. Савченков

В издании участвовало
творческое объединение
при Фонде Ролана Быкова

МОСКВА

БЕЛЫЙ **ГОРОД**

1998

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА

1682 — 1725 — Правление Петра I Великого.

1700 — Введение нового календаря.

1700 — 1721 — Северная война. Завершена Ништадтским миром.

1703 — Основание Санкт-Петербурга.

1709 — Полтавская битва, разгром шведов..

1711 — Учреждение Сената.

1714 — Указ о единонаследии.

27 июля 1714 — Победа русского флота при Гангуте.

1718 — 1721 — Учреждение коллегий.

1718 — 1724 — Проведение подушной переписи первой ревизии.

1721 — Учреждение Святейшего Синода.

30 августа 1721 — Ништадтский мир.

22 октября 1721 — Принятие Петром I титула императора.

1722 — 1734 — Русско-иранская война.

1725 — 1727 — Правление Екатерины I. За эти годы было сделано следующее:

— Отправлена морская экспедиция В. Беринга для выяснения, соединяется ли Азия с Северной Америкой перешейком.

— Открытие Академии наук, план которой был обнародован Петром I еще в 1724 году.

— Учрежден орден Александра Невского.

— Заключен союз с Австрией.

1727 — 1730 — Правление Петра II Алексеевича.

1728 — 1730 — Первая экспедиция Беринга.

1730 —

1740 — Правление Анны Иоанновны. Анна Иоанновна облегчила положение дворянства в отношении обязательной военной службы. Указом от 17 марта 1731 года был от-

менен закон о единонаследии, уравнены поместья с вотчинами. Была создана Тайная канцелярия — высший орган политического сыска в России в 1731 — 1762 годах. Незадолго до своей смерти назначила наследником престола двухмесячного сына своей племянницы Анны Леопольдовны и Антона-Ульриха — Ивана, а регентом до его совершеннолетия — Бирона.

1733 — 1735 — Русско-польская война. Закончена в Вене подписанием мирного договора между Австрией и Францией, к которым присоединилась и Россия.

1735 — 1739 — Русско-турецкая война. Закончена в Белграде подписанием мира с Портой.

1740 — 1741 — Правление императора Иоанна VI Антоновича.

1741 — 1761 — Правление Елизаветы Петровны. При Елизавете возросло значение Сената. Число сенаторов было увеличено. Синод добился указа о запрещении ввоза иностранных книг без предварительной цензуры. И. И. Шувалов и М. В. Ломоносов отстаивали идеи просвещения. Благодаря усилиям этих ученых были основаны Московский уни-

верситет, Академия художеств в Петербурге, возникли гимназии в Москве и Казани. Елизавета Петровна не утвердила ни одного смертного приговора. И когда 25 февраля 1761 года Елизавета умерла, царский двор искренне скорбел. С ее смертью пресеклась линия Петра I.

1741 — 1743 — Русско-шведская война.

1755 — Открытие Московского университета.

1757 — 1762 — Участие России в Семилетней войне, которая окончилась 24 апреля заключением мира между Россией и Пруссией.

1761 — 1762 — Правление Петра III Федоровича.

1762 — 1796 — Правление Екатерины II Великой. Вступила на престол, свергнув своего мужа, императора Петра III Федоровича. Жажда власти и славы была существенным мотивом ее деятельности. Основными объектами русской внешней политики были степное Причерноморье с Крымом и Северным Кавказом — области турецкого господства и Речи Посполитой (Польши). Екатерина II, проявившая большое дипломатическое искусство, провела две войны с Турцией, отмеченные крупными победами Румянцева, Суворова, Потемкина и Кутузова и утверждением России на Черном море.

1767 — 1768 — Деятельность Уложенной комиссии.

1768 — 1772 — Первая Польская война.

1768 — 1774 — Первая русско-турецкая война,

которая окончилась 10 июня заключением мира.

1772 — Первый раздел Речи Посполитой.

1773 — 1775 — Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева.

1785 —

Жалованные грамоты дворянству и городам.

1775 — Губернская реформа.

1783 —

Присоединение Крыма Потемкиным.

1787 — 1791 — Русско-турецкая война. Окончена 29 декабря в Яссах заключением мира.

1790 — Взятие Измаила Суворовым.

1793 — Второй раздел Речи Посполитой.

1796 — Поход графа В. А. Зубова в Персию.

1796 — Смерть Екатерины II и восшествие на престол Павла I.

1796 — 1801 — Правление Павла I Петровича.

1798 — 1799 — Русско-французские войны.

1799 — Итальянский поход Суворова.

1799 — Русская экспедиция в Голландию.

ПРОЗЕВАЕШЬ — ВОДУ ПОХЛЕБАЕШЬ

В деревне Иваново Ростовского уезда не знали лучшего конепаса, чем тринадцатилетний Ванька Осипов. Он холил лошадей, они откликались на его чудные свирели. Тонкий призывный свист, щелчок бича — табун разлетается по лугу. Посвистит протяжнее — кобылы, жеребцы, стригунки с веселым ржанием летуче сбиваются в табун. Лошадь — человеку крылья, верно говорится. А любимую каурю Ванька приговорил даже выделывать под ним затейливые коленца.

Народ Ростовского уезда славился разными искусствами. Обливали горшки, тачали сапоги, рисовали по эмали. А какой лук и чеснок выращивали — к самому царскому столу!

Между тем за ростовцами закрепились обидная молва: то лапшедами назовут, то вислоухими. Проезжал как-то мимо пастбища один господин, окликнул Ваньку:

— Эй, лапшеед, помоги коней напоить да перепрячь.

— С полной покорностью, ваше благородие. Но что до лапши... не осудишь и лапшицу. Прозеваешь — воду похлебаешь.

Господин восхитился бойкостью деревенского парня, сунул ему двугривенный.

На небе проступили поздние августовские звезды. Конепас развел костер. От еловых веток он шумно заискрился. На горизонте мелькнула падучая звезда и скоро, как искра, погасла за околицей деревни. Хрустели травой кони, возле них утомонились стригунки. Чудесная, тишайшая жизнь!

И неизвестно, кем бы стал Ванька Осипов, когда бы купец Петр Филатьев не востребовал его на свое московское подворье — при лавке служить. Поди туда, куда велят, принеси то, за чем пошлют. Замешкаешься — тумачи да колотушки. Харчи самые худые, одежда — рвань да обноски.

Утешение Ванька находил у дворовой скотницы Марфы. Ухаживала она за разной живностью, в том числе за хозяйским медведем, прикованным к столбу цепями. Для хранения господского добра.

Вечерами, сидя на лавочке, Ванька плел девице разные байки из уездной ростовской жизни.

— Ты у нас, Ванька, не вислоухий, — хохочет Марфа.

— Присмотримся к вашей жизни. — И посвистел в ивовую дудочку.

А приглядывался он так. Живот сведет от голода — стащит из лавки крендель. У соседа-попа подцепит куренка — и на базар. У одной кумы стянул самовар.

Двугривенный — монета, равная 20 копейкам. По тем временам это были не такие уж малые деньги.

Сохранился счет одного купца, из которого мы узнаем, что фунт (400 граммов) сахара стоил копейку, столько же красной икры можно было купить за 5 копеек. А вот книжки, например, стоили намного дороже. География, или, как тогда говорилось, «книжка об иноземных глобусах», стоила полтинник — 50 копеек. Столько же стоил церковный календарь. Видимо, купец хотел знать, какая на ближайшее время ожидается погода: будет ли дождь или сухо.

В первой половине XVIII века в продаже появились барометры. Так вот этот прибор (его еще называли «снарядом, показывающим давление воздуха») стоил ровно рубль, пять двугривенных.

Богат был купец. Он купил себе карету за 38 рублей. А еще, видимо, в подарок жене приобрел за 140 рублей 18 пар соболей — для шубы.

КАМЧАТКА

Хозяин, углядев дурные замашки, поправлял Ванькино поведение. Распластает на полу, отлупит почем зря.

— Вот тебе за ворово, вот тебе за здорово! Вот тебе зарок, вот тебе урок!

После одного такого урока Ванька сильно рассерчал на купца, забрался в его светлицу, набрал мешок одежды — и деру.

В торговых рядах на Красной площади вещи спустил прибыльно; пошел в трактир, заказал чаю, всяких сладостей. Бывай, купец Филатьев! Не видать тебе больше Ваньки. При ловких руках да при сметливости вот еще как можно в городе прожить.

К столу подсел детина в матросской куртке-бостроге. На руке якорек выколот.

— Чайком угостишь?

— А пейте вволю, ваше благородие.

Его благородие назвался Камчаткой; он во флоте раньше служил, теперь по хворости списали на берег.

Камчатка хорошо рассказывал о море, о парусах. Гафель, леер, марс...

Ванька спросил, чем живет Камчатка.

— Работа моя, братец, ночная.

— Не караульщик ли при рогатке?

— Пожалуй, что и так. — И хитренько ощерился. Застегнул до горла куртку, замкнулся. Скоро распрощались. — Кто знает, может, еще увидимся!

У речки Неглинной Ванька за копейку переночевал у мельника. Тогда Неглинка не беззаботно текла, крутила мельничные колеса, муку молола. Под стук мельничных колес Ванька проспал до утра. Но только подался в ряды — крик:

— Держи вора!

Филатьевские люди повсюду искали беглеца.

НА ЦЕПИ

О беспощадном характере Филатьева знали все в округе. Но наказание, которому он подверг Ваньку, было вовсе не обычным: приковал к столбу, возле которого маялся медведь. Только цепь для Ваньки чуть подлиннее, чтобы зверь не достал его. А так — рядышком. Лицом к самой морде, даже медвежье дыхание смертно касается щек.

— Будешь кормить зверя!

Главное — подальше держаться на привязи; зазеваешься — угодишь в медвежьи лапы. Да и спать на голой земле, без укрыва, в преддверии октябрьских заморозков, — не лучший ночлег. Так, окоченев, и загибнул бы Ванька, если бы не Марфа. Ночью кипяток принесет, хлеба.

Однажды скотница поведала Ваньке нечто ужасное: вот уже два дня в огоро-

де, в заброшенном колодце, валяется убитый Филатьевым солдат; за что прибил его хозяин — неведомо.

— Не врешь?

— Вот те крест.

— Ах ты купчина! Вон на кого руку поднял — на государева служителя!

В ту пору не было более лютого покушения на человека, чем возглас: «Слово и Дело». Страшное обвинение! Крикнувшего «Слово и Дело» ведут на допрос — на кого Слово показываешь, какое Дело запо-

дозрено? Ежели возводишь на человека на-
праслину — не возрадуешься. Но если
правда — ждет тебя вознаграждение.

Едва начало рассветать, только сторо-
жа с колотушками пошли по домам со
своих караулен, Ванька Осипов возопил:
— Слово и Дело! Слово и Дело!

Попробуй не откликнись. А недоноше-
ние — кнута изведает, а то и похуже.

Повели Ваньку в полицию. На кого
кричал?

Он рассказал все, что услышал от
скотницы. Девуца, верно, не солгала. В
Филатьевском заброшенном колодце об-
наружили мертвого солдата. И вот уже
не Ваньку, а купца Филатьева повезли в
цепях в Сыскной приказ.

В благодарность за такое послушание,
за показание на «убийца» Ваньке выдали
вольное письмо на жительство — «паш-
порт», или открытый лист.

Отпустили на все четыре стороны. Та-
кова была награда за его первый донос.

Тут Ванька показал, что никакой он
не вислоухий, а умеет держать ухо вос-
тро. Но вот какую выбрать в жизни сто-
рону — не ведал. У каждой стороны своя
дорожка. Это в сказке вещей камень ука-
зывает, где счастье найдешь, а где не-
счастье, где честь обретишь, а где бесче-
стье. Да и коня у Ваньки не имелось, и
жил он не в сказочной стране, и перепу-
тья не обещали скорой удачи.

Филатьевское подворье приобрел но-
вый хозяин. Он готов был простить пар-
ню прежние его провинности. Верная
добрая Марфа тоже печалилась:

— Пропадешь ведь, Ванечка. Одумай-
ся, брось шалости. Оставайся у нас.

Он смеялся:

— Вольному воля!

*Открытый лист — так в старину назывался
паспорт. Выдавался он и крестьянам, и простым
ремесленникам за особые заслуги. Вот такой от-
крытый лист был вручен и Ваньке Осипову.*

ЧТО МОЖНО СОТВОРИТЬ ЗА ОДНУ НОЧКУ

Стал Ванька, как говорили в то время,
гулящим человеком. Ни кола ни двора.
Ни к кому не приписанный, ни от кого
не зависящий. Много тогда гулящих лю-
дей бродило по Руси. Где дрова поколют,
где крышу настеляют, где снег уберут —
тем и кормились.

Ванька пристрастился к карточной игре.
Всю ее ловкую науку изучил. Вроде и не
жульничал, но колода карт в его руках лег-
ко рассыпалась веером, и вот уже пальцы
выбрасывают, если надо, короля, а если в
том нужда — валета или червонную даму.
Выигрывал. Однажды его сильно побили.
Хотя какое уж тут жульничество. Ловкость
рук и никакого мошенства.

Еще играл в кости, в чет и нечет. У
него всегда выходил выигрышный чет. Так
было до тех пор, пока купец I гильдии
Степан Клепиков, сам уроженец Ростовс-
кого уезда, не пригласил его к себе на «бе-
режок» — так называлась пристань, куда
причаливали струги, суда с товарами.

Струг у купца поместительный. Товар —
пшеница, рожь, ячмень, гречиха. Клепи-
кову требовался учетчик, благо молодой
земляк цифирь знает, паспорт имеет.
Жил Ванька в кубрике. Купец жаловал
его. Если учетчик и смухлюет, то в пользу
купцу, с наваром. Прибыльный парень,
смекалистый.

Но Ванька тосковал. Еды вдоволь, пла-
тье хорошее, а все не по душе. Не по ха-
рактеру. Одна радость — посидеть на «бе-
режку», подудеть в свирель. Он немало
песенок знал, да и сам сочинял. Получа-
лось на удивление складно.

Вот тут однажды и увидел его отстав-
ной матрос Камчатка.

— Ванька! А я тебя искал.

Встречу отметили в ближнем трактире.
Ванька поведал о своем житье-бытье, жало-
вался на тоску. Справился, как поживает

Камчатка. Камчатка ухмыльнулся, на все пуговицы застегнутый: так, помаленьку.

Ванька пошел проводить его в Лефортово. Остановились возле нового дворца Анны Иоанновны. Дворец назывался «Анненгоф». Перед подъездом — чудеснейший парк. Камчатка рассказал, что однажды императрица глянула в окно, посоветовала на голую поляну.

Услужливые придворные распорядились, чтобы за ночь тут была высажена роща. Согнали сотни мужиков. Утром Анна Иоанновна глазам не поверила — вместо поляны аллеи, столетние дубы, липы, цветочные клумбы.

— Вот что при старании можно вытворить за ночь, — оскалился Камчатка.

— Это только царям.

— Зачем царям? И иным, кто попроворнее.

— Караульным, что ли?

— А хоть и так, — смеется Камчатка.

— Возьми к себе. Тоже попробовать хочу. Во где у меня купец.

— А возьму! В дело возьму.

АННА ИОАННОВНА (1693 — 1740) — российская императрица, племянница Петра I. Правлила Россией с 1730 года. Окружила себя иностранцами, первым среди них был ее любимец Эрнст Иоганн Бирон. Анна Иоанновна стремилась к тому, чтобы ее двор по пышности и богатству не уступал дворам европейских королей. Она завела итальянскую оперу, балет, два оркестра, для которых выписывала из-за границы лучших музыкантов. Анна Иоанновна выстроила себе несколько дворцов — в Москве дворец «Анненгоф», а в Санкт-Петербурге большой трехэтажный Зимний дворец. Императрица любила охоту. Во внутренних покоях дворца всегда стояли заряженные ружья, из которых она стреляла через окна в пролетающих мимо воробьев, галок, ласточек.

— В какое?

Глаз у Камчатки острый, приметливый — так и пронзил насквозь.

— Испытаю тебя. Не трусливого ли десятка? Умеешь ли язык держать за зубами? Верен ли? — И шепотом в Ванькино ухо: — Где хозяин сундук с добром держит, знаешь?

— Вот ты что... Почему не знать. Знаю.

— Тогда слушай...

«МАС НА ХАС, ДУЛЬЯС ПОГАС»

В ту памятную ночь луна повисла над Тайницкой башней, самой потаенной в кремлевском окружье. Москва-река в вечной бессоннице шевелилась в берегах, вся в переливающихся блестках, будто в серебряных рублевиках.

Очертания купеческого струга напоминали боевую галеру. Но работа у струга иная — зерно возить, умножать прибылью хозяйский сундук.

На судне остался один Ванька. Клепиков с приказчиками ушел по делам.

— Глаз не смыкай, стереги! — наказал Ваньке.

Но вот над низким берегом послышался посвист ивовой дудочки. От высокой кирпичной стены тотчас отклеилась темная фигура в монашеском облачении. Ряса, клобук на голове.

— Гляди, в каком виде, и не признаешь сразу, — восхитился Ванька.

Вместе с Камчаткой по сходням взобрались на палубу. В скважине хозяйской каюты ключ ворочался неподатливо.

— Тот ли ключ, Ваня?

— Да тот. Сейчас поверчу еще.

Дверь раскрылась. В углу каюты, под прикрытием ковра, покоился тяжелый сундук, оплетенный железными лентами. Вот оно где, клепиковское кашеево добро!

Камчатка топориком выдрал из сундука замок, поднял крышку. Фу ты, черт возьми! Одно барахло, да еще бумаги с цифирью. Видно, в другом месте купец хранил свое денежное кашеево бессмертие.

— Промахнулись! — сказал Камчатка. — Да ладно, в прибыли ли дело. Тебя, Ваня, зато проверил. Пошли.

Пешеходы выбрались к речке Яузе, она поблизости втекала в Москву-реку. В зарослях ивняка отыскивали припрятанную лодку. Взялись за весла. Возле деревянного мостика лодку зачалили, углубились в лесок. В землянке, покрытой тесом, их

встретил громадного роста одноглазый мужик. Криво усмехнулся:

— Мас на хас, дульяс погас.

И хлопнул Ваньку по плечу

— Говорил об тебе Камчатка. Из лапшедов, значит?

— Ростовский, — поправил Ванька.

— Привыкай к нашей компании. У нас всего довольно. Наготы и босоты. Пыль да копоть, притом нечего лопать.

Камчатка ободрил нового товарища:

— Не робей. Адам Емельяныч всегда так новеньких привечает.

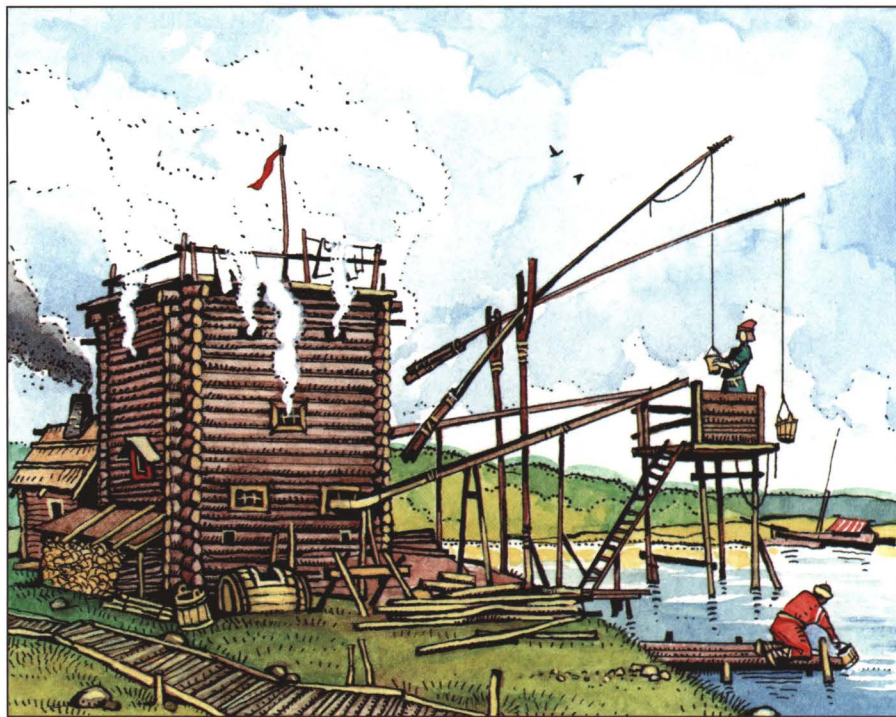
— Так подойдет наша работа? — не унимался Адам Емельянович. — Пей воду, как гусь, ешь хлеб, как свинья, а работай черт, а не я...

Укладываясь спать на полатах, Ванька тихонько спросил у Камчатки, что значат таинственные слова: «Мас на хас, дульяс погас».

— На нашем, братец, языке это вот что: когда опасность, затаись, не шевелись.

Русская баня.
Топилась «по-
черному» дровами,
при этом дым
выходил через
специальные отвер-
стия под крышей.
Вода подавалась из
реки по деревянным
желобам при помощи
конструкции колодез-
ного типа (журавль).
В больших банях
могло быть несколь-
ко каменных печек.
Сушка белья произво-
дилась на крыше.
Палка с тряпкой на
крыше означала, что
баня открыта.

КЛИЧКА

В ватаге Адама Емельяновича народ бедовый, прошедший огонь и воду. Бывший поп. Бежавший с каторги колодник. Несколько беглых солдат. Курояд, в прошлом комедиант придворного театра, роль Курояда он исполнял в одной пьесе.

Утром приветствовал Ваньку стихом из той же пьесы:

*О ты, юнец, бежавший от купца!
Не полюблю тебя я, подлеца.*

Шутовски задрыгал ногами, больно скрутил Ванькино ухо. Камчатка дал Курояду пинка: не забижай парня.

Еще в ватаге были два юнца: Левка Хорек и Васька Авель. Оба удрали из гарнизонной школы, где их нещадно пороли. Хорек и Авель, в отличие от Курояда, готовы были подружиться с новеньким. Похвастались своими удачами. И удачи эти аккуратно заносили в тетрадь. Роспись вели по дням. В понедельник, например,

во Всехсвятской бане утащили семь гривен и штаны васильковые. Во вторник в Кузнецкой бане прихватили камзол и рубаху. В среду в бане кожевников обогатились серебряным крестиком и сапогами.

— Ловко, да? — гордились гарнизонные ребята.

Но Ванька отбрил их:

— Ума два гумна, да баня без верху.

— Что-о-о-о?

— А то. — И брезгливо сплюнул. — Че людей нагишом пускать?..

Так в лице Хорька и Авеля он обрел двух непримиримых врагов.

— Всыпьте ему! — дурашливо задрыгал ногами Курояд. — Гордец какой.

Камчатка усмирил воров.

Вообще он не был похож на прочих Ванькиных сообщников. Держался особняком, присматривал для грабежа не бани, а богатые дома. Что интересно, делился прибылью с нищими и бродягами.

— Удача, Ваня, не любит ненасытных до денег.

В «ночь» Камчатка брал Ваньку, учил

воровским приемам, осторожности; выдал ему монашеское платье. Не так придираются сторожа.

За неделю обчистили две лавки. Ванька хорошо показал себя в деле.

— Он не лапшеед, — хвалил Камчатка. — Верный помощник!

Скоро оценил Ванькины способности сам главарь ватаги. Во время налета на Гостиный двор будочник чуть было не пристрелил Адама Емельяновича. «Монашек» стремглав кинулся на спину будочника, выбил из его рук мушкет.

— Ну, парень! — сказал потом главарь. — Выручил! Теперь ты свой. Кличку пора давать. — Прищурил единственный глаз, хохотнул. — Один сынок у меня есть: Васька Авель. Ха-ха-ха! А ведь у первого человека на земле был второй сын. А?

— Каин! — задрыгал ногами комедант Курояд. — Быть ему Каином.

— Каин! Каин! — злорадно подхвати-ли Левка и Васька.

— Чего другое, — запротестовал Ванька. — Слыхал, убивцем был.

— Не только. По-нашенски, Каин — это еще отчаянная головушка. А ты у нас вон какой бедовый. От одного купца ушел, от другого. Одного в темницу засадил, другого крепко обманул.

Кличка подобна крещению. Она дается в воровской жизни раз и навсегда, по самый гроб.

Так кончился уроженец Ростовского уезда, крестьянский сын Ванька Осипов. Так свету явился член воровской ватаги Ванька Каин.

са. Опустошили амбар пивовара Штольца. Вырезали из рам стекла, забирались в покои через окна. Случись сторож — вязали, кляп в рот. Притом один парень в монашеском наряде, рассказывают, весело приговаривает:

— Тяп ляп — клетка, в угол сел — печка.

Очень разгневались в Сыскном приказе. Князь Кропоткин бесился:

— Найти! Облазить все городские дыры! Я сам вырву ноздри у вора, что такие стишки придумывает.

Ищи ветра в поле!

КАК ВАНЬКА СТОЛОВОЕ СЕРЕБРО ВЫРУЧАЛ

Краденые вещи хранили у дворника Данилова монастыря, ушлого деда Михея, в прошлом тоже вора, ныне ушедшего на покой. Место это называлось «заручкой». Имелись у ватаги и другие «заручки», но Михеева считалась самой надежной. Сторож не только припрятывал награбленное, но и выгодно, через своих людей, распродавал его.

Адам Емельянович сам, по своему разумению, распределял выручку между ватагой. Авель и Хорек, жадные до денег, ныли, что Ваньке Каину часто перепадает большой куш. Злобились:

— Вместе небось ходили. А этому вон сколько — целая жменя серебра.

Курояд, с первого дня возненавидевший Ваньку, тем не менее не упускал случая, чтобы подразнить молодых воров. Кривляясь, приплясывал шутовски:

Рогатка — длинный шест, который ставился в ночное время поперек улицы или переулка. У рогатки стояли сторожа. Они проверяли документы у проезжающих, охраняли город от воровства и разбоев. Такие места, где ставились рогатки, назывались заставами. На заставах часто задерживались подозрительные люди.

— Ходили вместе, да завязли в тесте. Завязли в тесте, как куры в насесте.

А случай был такой. Авелю и Хорьку поручили доставить в «заручку», в логово деда Михея столовое серебро, награбленное накануне. Запрягли возок. Адам Емельянович указал, по каким улицам ехать, — где меньше «рогаток». Для лучшей охраны Москва тогда обставлялась «рогатками» — поперечными брусьями, загораживающими проезд. Досмотр багажа! Однако, чтобы сократить дорогу, Авель и Хорек погнали лошадей по Мясницкой улице.

— Стоп, молодцы. Что везете?

Воры хлестнули коней, проскочили боком «рогатку». Учинилась погоня. На одном из перекрестков до смерти струсивший Авель стал выбрасывать серебро в грязное болото. Удрать удалось. Но как рассвирепел главарь ватаги! Столько добра побросать в топь!

Ванька вызвался спасти серебряную посуду. Одну знакомую торговку нарядил в барское платье, усадил в карету. Восседа на козлах, как заправский кучер, поздним часом Ванька двинулся к указанному перекрестку. У «рогатки» был остановлен.

— Кто едет?

— Глаза шире раскрой. Не видишь, барыня-боярыня, сиволапый.

АПРЕСТ

Марфу из филатьевского подворья Ванька не забывал. Уже с год, как девушка получила вольную, вышла замуж за писаря Сыскного приказа Ефима Советова. Жили своим домом.

Помня доброту, Ванька одарял Марфу то сапожками, то янтарными бусами. Однажды привез кровать с бронзовыми шарами. А вот с писарем не сошелся.

Скоро Ванька разузнал, что это за писарь такой. Знакомый вор по кличке Пиво рассказал, что Ефим Советов сам состоит на службе у одной воровской ватаги, берет с нее деньги за то, что выдает секреты Сыскного приказа. Вон ты за кого, Марфушка, вышла замуж! Но вор вору — не волк. Сию тайну Ванька хранил при себе. О своей жизни говорил нехотя. У одного дворянина в прислужниках.

— Шибко я за тебя печалилась, — говорила Марфа. — А ты вон барином каким стал.

Барином он стал! Марфа-Марфуша, невдомек тебе, что твой муженек сам по той дорожке ступает. Только что не в разбойной ватаге, а в канцелярии.

Ефим Советов ярится на гостя, когда тот начинает бренчать на балалайке, сыплет прибаутками, песенками:

*Во Москве нашей, во граде,
Ходят девицы в наряде.
Еще аленьки цветочки,
Горожаночки-девчонки.*

Лих этот парен! Такой и чужую жену уведет, бесстыжий.

— Откуда у тебя толстый кошелек? — как-то спросил Советов.

— Завидуешь? — И Ванька подмигивает. — Не погибель бы тому, кто завидует кому.

Надо избавиться от этого молодца! Советов поделился своими соображениями

Заграждение позади. Ванька завел лошадей в самое болото.

— Эй, мужики! Барыня-боярыня в грязи утопла! Помогай!

Двое будочников налегли на карету. Пока возились, Ванька, пользуясь кромешной тьмой, шастал по болоту, нащупывая на дне раскиданные кувшины, тарелки, солонки, ножи, вилки.

По дороге в Данилов монастырь Ванька весело распевал сочиненную песенку:

*Идет Дуня с колодца,
Увидала молодца.
Поклоняется в привет:
«Ай да барыня в карете!»*

Главарь похвалил Ваньку за сметливость. Но недолго Авель и Хорек искали случая отомстить Каину. Курояд подсказал:

— Ночью заберемся в его келью, водой ледяной окатим да прибьем.

Так и сделали. Ванька очумело соскочил с койки, отфыркиваясь и ничего не соображая. На него обрушились кулаки с зажатými гирьками. Повалили на пол и забили бы до смерти, но на шум явился Камчатка с фонарем. Троица разбежалась.

с приставом. Гость ходит, балагур. И раньше был замечен в мошенничестве, и ныне незнамо откуда шальные деньги.

— Вот вы вора ищете. Веселого такого. Этот еще как весел. Не тот ли?

Все же не кто-нибудь, сам писарь Сысского приказа велит.

В следующий раз Ванька заявляется к Марфе, дарит шелковый платок. Натев вам — на пороге полиция. За спиной пристава — писарь Ефим Советов.

Ах ты, идол! Всякого ждал Ванька от мужа Марфы, но не такого коварства.

— С нами пойдешь, Иван Осипов.

— По какой причине? Паспорт мой справен.

— Там поговорим.

Ванька повернулся к писарю:

— Ну, сударь, благодарствую за хлеб-чай. Еще увидимся.

— Увидимся, увидимся, Осипов. Я здесь, ты за решеткой. Ха-ха-ха.

Так Ванька оказался в кутузке. Прямых улик против него нет, но хотят доз-

Подьячий, доноситель — служители Сысского приказа в XVI и XVIII веках. Подьячие вели допросы преступников, а иногда, если пойманный вор не сознавался, прибегали к помощи кнута и палок. Не помогало — отдавали палачам на дыбу. Доносители разыскивали преступников, писали на них доносы. Одним из видов такого доноса было «Слово и Дело». Под страхом смерти каждый человек обязан был сообщить об известных ему преступлениях против закона, против царя или членов его семьи, о государственной измене. При этом громко выкрикивались слова — «Слово и Дело».

наться: где служит, откуда денежки у мужика подлого звания.

У кого служит? Так, ради хвастовства сболтнул, что у одного дворянина. Вольный он человек, гулящий. Прирабатывает где придется. Кому коней подкует. Где крышу покроет. А то и на свадьбе споет да бала-лайкой развеселит.

— С такой работы неостанет твоего серебра. — Не верят подьячие Сысского приказа. — Правду говори.

РАЗГОВОР НА ДВА ГОЛОСА

Допрашивали не только подьячие. Посетили Ваньку куда более важные господа — советник полиции Воейков и сенатский прокурор Щербинин. Такое внимание к узнику объяснялось еще тем, что сыщики дознались: Иван Осипов был у купца первой гильдии Клепикова.

Привели Клепикова.

— Ах, Ванька, Ванька, так тебе верил. Думал — земляк, свой. А ты разбойник.

— Я разбойник?

— Ты.

— Слово и Дело! — закричал Ванька. — Имею, что сказать на этого купчину. Вор он! Ворованным зерном торгует. Я учетчиком у него был. Все записывал, как есть.

Это был второй в его жизни донос. Что Клепиков — вор — скоро подтвердилось. Но вовсе не этого ждали от Ваньки в Сыском приказе.

Советник и прокурор вовсе не те душегубы, что подвешивают на дыбе. Обходительные господа. Покайся подобру-поздорову.

— Скажи, с кем водишься. Выйдет тебе облегчение. Когда-то за Слово и Дело получил награду. И ныне не обидим.

— Гуляющий я человек. Вот и весь сказ.

Больше ни слова. Запер язык на замок.

Допрос продолжать! С плетью и щипцами. Немота-то пройдет. Так велит прокурор.

Нет, не палачи разбудили Ваньку. Два голоса в нем заговорили. Один голос — деревенского паренька-конепаса, крестьянского сына Ваньки Осипова, другой — Ваньки Каина.

Так бывает, когда человек в печали предается разным мыслям.

Голос Ваньки Осипова будил воспоминания о детских годах. О деревне. О конях, что сбегались по призыву дудочки. Славная была жизнь. Не дать батюшке согласия ехать в Москву, а все бы сызнова на-

чать! И Камчатку не встретить, и кривого Адама Емельяновича вовсе не знать. И Авеля, и Хорька, и проклятущего Курояда. Как бы славно вернуться к своим лапшедам и вислоухим. Дудочку новую выточить. Стригунки-то небось стали добрыми конями... Новые родились. Оседлать бы! К теплой лошадиной морде прижаться!

Второй голос — голос Ваньки Каина — посмеивался:

— Дурень ты! Скажи, что есть вольготнее, чем жизнь в ватаге, даровые деньги из казны богатеев? Вот где удаль и отвага. За одну ночь можно нажать то, на что другому жизни не хватит. Тяп-ляп — клетка, в угол сел — печка!

Клетка! Оно этим все и кончается. Об этом предупреждал голос Ваньки Осипова.

— *Пей воду, как гусь.*

Ешь хлеб, как свинья,

А работай черт, а не я, —

это в лад, припевая, подзадоривал голос Ваньки Каина.

На Ваньку надвинулась глумливая, оскаленная рожа. Рожки на голове. Ноги-копыта.

ШИНКАРКА

Вор, что сидел с Ванькой в камере, по кличке Шинкарка, растолкал его:

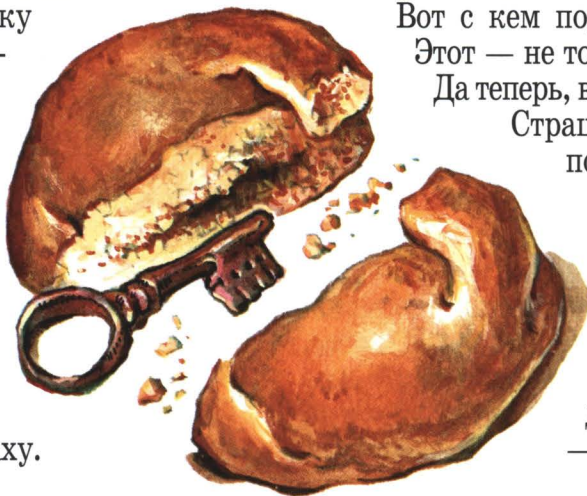
— Проснись. Стонешь, дергаешься во сне. Ай что привиделось?

— Привиделось.

— Это бесы в тебе потешаются. — И окрестил Ваньку трехперстием. — Страшатся бесы креста. Господь Бог их в свиней выводил. Я небось знаю Писание. Прислуживал одному святому отцу, всяких книг повидал.

— А пошто за решетку угодил?

— На икону одну польстил. Продал монаху.

Потом плюнул, убежал от попа. Надоел хуже горькой редьки.

— К кому пристал?

— У главара моего пьяное имя — Пиво. Брюхатый. Голосище — что у дьякона.

— Знаю я его. Это он выболтал про писаря Советова, что выдал меня полиции.

— Нашего Пиву все знают, — погордился Шинкарка. — От малого вора до сенатских господ.

— Что ж он тебя не выручит?

— Нужен я ему... С меня спрос невелик. — Засмеялся. — Пей пиво больше, так брюхо станет толще.

Шинкарка и впрямь был добряк. Сестра приносила ему гостинцы — честно делился с Ванькой. Когда же Ванька, избитый и измученный, возвращался от подъячих, Шинкарка, как собака, зализывал ему слюной раны, отпаивал водой.

Вот с кем подружиться на воле!

Этот — не то что Авель и Хорек.

Да теперь, видно, дело конченное.

Страшные сны больше не посещали Ваньку.

— Это я твоих бесов спугнул. — Шинкарка удовлетворенно почесывал грудь. — Повезло тебе со мной посидеть.

— Уж как повезло.

Лучше б не знать такого везения. Теперь цепи наденут — да куда и подальше. А то и ноздри вырвут.

Но однажды в камеру пришел священник с кадилом, чтобы раздать колодникам милостыню... Камчатка! В поповском облачении, суровый, немногословный. И подал два калача.

— Покушайте. Церковь за вас помолится, за грехи ваши. — И удалился.

Разломал Ванька калач. Ба, в нем записка: «Триока калача ела, стромык страктирила». На воровском языке: «Беги вечером. Стража своя».

В калаче Шинкарки — ключ от тюремной двери.

— Вон с какими попами ты водишься! — восхитился Шинкарка.

Когда стемнело, они бежали из кутузки. На Лубянской площади распроцались.

Они еще встретятся. Но до той поры много воды утечет.

АЙ ДА ВАНЬКА-ЧУДОДЕЙ

Больше других товарищей обрадовался Камчатка — славно удалась затея! По такому случаю Адам Емельянович закатил пир горой. Сидел с Ванькой в обнимку, хвалил за расторопность, за то, что не выдал ватагу. Авель и Хорек помалкивали, но в их глазах Ванька читал нескрываемую ненависть. Сам главарь на первое место поставил! Курояд, чтобы подольститься к Адаму Емельяновичу, куролесил:

— Ай да Ванька-чудодей, царских обманул людей.

А наутро Ванька сказал главарю, что в Москве ему теперь оставаться опасно — в Сыском приказе знают в лицо.

— Спасибо за дружбу, Адам Емельянович. Уйду я.

— Это куда?

— Да мало ли... Потом, может, вернусь.

— Не отпускаю! — помрачнел главарь. — Ты нужен нам, Каин. Кличка здесь тебе дана, от клички не уйти.

— Уйду.

— Перечить? Гляди, Ванька, не зарывайся.

— Силой разве держать станете? Я силы не боюсь.

— Вон как заговорил? — рассвирепел Адам Емельянович. — Не пущу — вот мой приговор.

И острым локтем, со всего маху, ударил Ваньку в лицо. Запрокинув голову, чтобы остановить кровь из носа, Каин застонал.

— За что?

— За строптивость.

— Так, да? — Сорвался с лавки, набычился, толкнул дверь.

Авель, Хорек и Курояд догнали его. Главарь бросил им моток веревки:

— Повязать. И поучите. Выбейте дурь из башки непутовой.

Больно, когда из тебя выбивают дурь. Троица воров постаралась. Курояд палкой с гвоздями пересчитывал Ванькины

ребра. Хорек ногой двинул в живот. Авель спустил с Ваньки штаны и лупил веником. Адам Емельянович кривым своим глазом весело наблюдал за зверским избиением непокорного сообщника. Курояд отбросил палку, хохотнул.

— Адам Емельяныч, дозвожь глаз ему выколоть, чтоб в другую сторону не косялся, — хохотнул Курояд.

— На первый раз довольно. В подвал его. Авось там очухается. Впредь всем наука. От ватаги нет обратного хода.

Два дня и две ночи Каин провалялся в подземном воровском убежище. На третью ночь к нему тихонько спустился Камчатка, развязал.

— Покуда все дрыхнут, ступай за мной.

И повел товарища к дальнему родичу.

С неделю провалялся Ванька на койке с перебинтованной головой, с примочками на ранах. Камчатка ухаживал за ним не хуже сиделки. Когда Ванька оправился, сказал:

— Мне теперь в ватагу не завещано идти. Буду с тобой. Не сошелся свет клином на Москве. Договорился с одним шкипером, он баржи ведет к Волге. На торг.

Приподнявшись на локтях, раздвинув в улыбке опухшие от побоев губы, Ванька с прежней лихостью воскликнул:

— Торг — яма. Стой прямо.

МАКАРЬЕВСКАЯ ЯРМАРКА

Среди множества других Нижегородская ярмарка особо почиталась.

На великое торжище съезжались купцы и барышники со всех волжских городов и селений, из прикаспийских степей, с Кавказа. Татары, черкесы, калмыки, кайсаки, башкиры, цыгане — последних тьма-тьмуца. Недаром говорится: «Поворачивается, как цыган на ярмарке». Но то же самое можно сказать и о многочисленных ворах — чуяли они добычу. Не случайно в тот год в Нижний Новгород прислали драгун под руководством полковника Редькина. Не такое это почетное задание — за ворами и мошенниками бегать ратному командиру. Но что поделаешь, если полиция не справляется. От конных драгун, попробуй, убеги!

В первый же день схватили несколько

Фузелер Драгунского полка 1700 — 1720 гг.

воровских шаек. Но одна ватага особенно досаждала Редькину. Действовала изоциренно, на месте разбоя оставляя хитрые, оскорбительные записки, причем довольно складные.

В последней записке так говорилось: «Я увижусь с тобой на ночлеге, когда буду ехать в телеге».

Полковник Редькин багровел от гнева, когда читал послания от неуловимых воров. Днем на ярмарке тишь да благодать, разве что схватят карманника, ночью же... Но не поставишь же возле каждой лавки или амбара драгун!

В городе шли пересуды о столь затейливых ворах. Особенно проделками неуловимой шайки восторгались местные бурлаки. Соберется на пристани народ — распахивай уши. Смех один, правда же!..

Выследила та ватага богатую татарскую стоянку. Мурза у них за старшего. Прижимистый мужик. Денежки хранил в кибитке. Никому не доверял свое добро, возле нее и спал. И вот только зашло солнце, к татарской стоянке подъезжают на конях двое драгун, один помладше, другой постарше. «Не обнаружены ли поблизости шальные люди?» — «Все спокойно, солдатики. Отведайте браги, мясца». Драгуны выпили, закусили. Сам мурза, упившись, заснул. Тут один драгун привязывает ноги мурзы к аркану своего коня — и вскачь. Другой в свою лошадку запрягает татарскую кибитку. Поминай как звали!

А вот еще был случай. Кайсаки, они же киргизы, в одном местечке держали важную казну. Берегли ее пуще ока. И вот два кайсака отправились на торг, идут мимо караула. Тут некий монашек показывает на них: «Воры! Хватайте их! Нашего архимандрита ограбили».

Другой мужик из той же ватаги бежит к юртам: «Ваших взяли на гауптвахту. Беги выручать!» Азиаты бегут выручать товарищей. Тут как из-под земли вся ватага, человек пять. Ломают запор в амбаре, все укладывают в телегу — и в лес. А малый — верхом на передней лошади. По всем приметам тот же, что и мурзу охмурил. Сам росточка небольшого. То драгунами одеваются, то в монашеском одеянии, то в калмыцких халатах. На всякий разбой свой лик.

В Нижнем Новгороде пишется строгий приказ: всякого задерживать, у кого документы не выправлены, усилить караулы. Особый надзор за цыганами. А те сами пришли к Редькину: из табора коней увели.

У цыган увели коней? Такого сроду не замечалось. Сами кого угодно проведут. Но вот поди ж ты, отыскались ворюги похитрее, половчее: Ванька Каин и Камчатка с малой своей ватагой.

АТАМАН МИШКА ЗАРЯ

В сообщники взяли нижегородских воров Кувай, Лягая и Жузлу. В разбое искусны, умеют держать язык за зубами, отлично разбираются в местности. Это потому еще важно, что после закрытия Макарьевской ярмарки ватага уходила в ближние города и села. Где появлялась кибитка и три вороных в упряжке — там жди беды! «Взяли денег без счету, посуды без весу, а деньги отослали к лесу».

Камчатка нередко остерегал Ваньку:

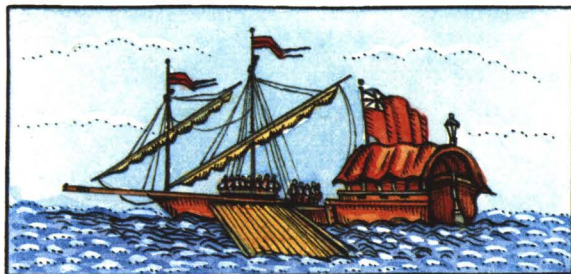
— Не надо следов оставлять. Зачем народ злить?

— Не народ — торговцев злим. Примета у меня такая: записку оставишь — удача заладится.

Лягаю нравилась такая молодецкая удаль: «Все на других не похожи!»

В сильные холода прятались в дальнем речном затоне — Шелковом. То была запустелая, никем не посещаемая бухта. Крутой берег очерился узким лазом в пещеру. Там сложили печку, сбили полати, готовили еду.

Галера постройки 1704 г.

Тартана постройки 1710 г.

Минуло несколько лет, как Ванька Каин и Камчатка покинули Москву. В новых краях обжились. Ванька заметно подрос, стал крепок в плечах. Камчатка отрастил бородку, напоминал скорее подъячего, чем шального разбойника.

Жили согласно, все решали полюбовно, сообща, но так получилось, что последнее слово оставалось за Ванькой. Камчатка сам на том настоял: «Ты помоложе, побойчее...»

Как-то поздним вечером к берегу причалила вместительная галера под парусом. Ватага затаилась. Но высыпавшие на берег люди нисколько не напоминали драгун. Жузла узнал приземистого крепыша в лихо сдвинутой на затылок шапке, в черном плаще, сафьяновых сапожках:

— Мишка Заря! Атаман волжский.

Ну, это имя было у всех на устах. Заря! Его батюшка с самим Стенькой Разиным гулял по речным просторам, ходил на Каспий. Заря пошел по стопам отца, и вот уже по всему Поволжью складывали о нем легенды. Разбойник на суше, пират на воде!

Жузла кинулся к Заре:

— Свой я, Миша, мы же земляки, оба с Керженца. А это мои товарищи — Ванька Каин, Камчатка, Кувай, Лягай. Может, слышал про нас: «Взяли денег без счету...»

Заря рассмеялся, продолжил:

— ... посуды без весу, а деньги отослали к лесу... Давно желал повидаться. Такие удалы мне по нраву.

Камчатка, бывший матрос, тосковал по воде. Ванька тоже обрадовался: кем ни звался, а пиратом быть не доводилось.

— Идите ко мне. Места всем на галере найдется, — сказал Заря.

И подмигнул Ваньке:

— Абордаж знаешь? Как приступом суда купеческие брать?

Не знал Ванька такого словечка — абордаж. Зато Камчатка не оплошал:

— Я, Заря, со шведами воевал. Были бы отменные крючья.

— Будут крючья, ребята. В нашем деле

важнее не добрые крючья, а добрые братья. Как водится у казаков.

Ванька и Камчатка стали вольными казаками — так называли себя пираты Мишки Зари. Власти давно за ним гонялись, за его голову обещали немалую плату.

— Нет таких денег, что стоит моя головушка, — шутил Заря.

Ему везло. Верно говорится: Бог не без милости, казак не без счастья.

В пиратском вольном братстве Ванька скоро освоился, даже пристегнул к боку саблю. Желая быть похожим на атамана, отпустил усы с колечками. Так же, как атаман, в задумчивости подкручивал их.

Покорил он атамана и его людей приключениями, песнями, игрой на дудочке. А более всего отчаянной смелостью. Заря брал его на самые рискованные дела. Ванька отличился, когда выследили богатый армянский бриг. Волгу штормило. Волны захлестывали лодки. Требовалось великое умение гребцов, чтобы не перевернуться. Но куда труднее прихватить судно «на зацепку» — забросить крюк за борт. Даже у Зари крюк сорвался, плюхнулся в воду. Но Ванька с

детства умел ловить взбесившихся коней на лассо — ремень со скользящей петлей.

Крюк с веревкой вылетел из его рук с прицельной точностью. По веревочному трапу с обезьяней ловкостью вскарабкался Ванька на палубу, сбил с ног вахтенного, проник в штурманскую будку и развернул судно к берегу.

Армянские купцы опомниться не успели, как пираты уже были в трюме, волоча оттуда мешки с товарами, туго закрученные ковры, хрусталь, золотые ковши.

— Будут знать про Шелковый затон, что нашему брату родимый притон, — озорвал Ванька, сбрасывая мешки на подошедшую галеру.

Ошалевшие от удачи, пираты обмотали веревкой какого-то купца, больше других сопротивлявшегося, и бросили в волны. Когда тот изрядно нахлебался воды — затащили на палубу. Чтоб в другой раз не повадно было.

ЗОЛОТОЕ РАСПЯТИЕ

Отменную добычу завершили пиршеством на берегу. Атаман Заря много пил, не пьянел. Камчатка с Жузлой жарили на вертеле барана. Ванька нарядился в бухарский халат, накрутил на голове шелковую чалму, бесновался вокруг костра:

— Был вор, стал казак. Черту самому не брат, ежели казак пират.

Заря хохотал.

Покачивались на волне лодки и галеры. Лунная дорожка прямехонько вела от затона к Волге. А по ней шли новые купеческие караваны, и пока они плывут, можно жить безбедно, счастливо, молодецки. Были бы крючья для абордажа!

Прошло еще три года. Пиратская ватага сильно разрослась. В ней насчитывалось три сотни человек. Действовать одновременно всем скопом несподручно, да и опасно. Заря разделил ватагу на несколько групп; одну из них возглавлял Ванька Каин.

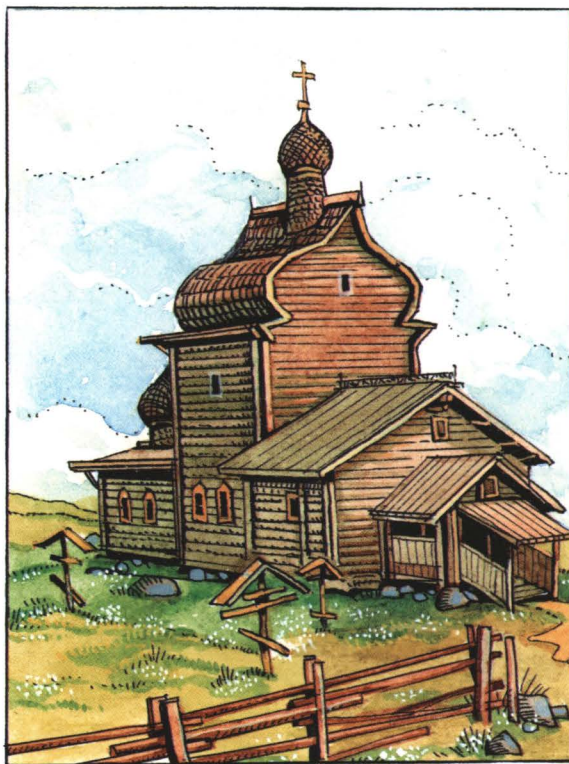
Группа, а по-пиратски «круг», имела свою территорию. В начале лета разъезжались по волжскому простору; ближе к зиме собирались на «сходку». Делить добытое, рассказывать о похождениях, задумывать вылазки на будущее.

Заря отмечал удачи Ванькиного «круга». Об одном его разбойном нападении узнали даже в Санкт-Петербурге, в царском дворе.

А дело было такое.

В селе Работки располагалось имение генерала Шубина, любимца цесаревны Елизаветы, дочери Петра I. Пройдет небольшой срок, и Елизавета станет российской государыней. Пока же ее власти хватило, чтобы любимца сержанта Шубина произвести в генералы, пожаловать ему вотчину на берегу Волги.

Шубин не часто появлялся в Работках. Однажды на хранение отдал в местную приходскую церковь золотое распятие: зо-

Погостная церковь

лотую фигуру Христа Спасителя, пригвожденного золотыми гвоздями к золотому кресту. Это тоже был подарок Елизаветы. Распятие не имело цены. Несколько купеческих караванов стоили меньше.

Под видом бродячих монахов Ванька и Камчатка пришли в Работки, попросились переночевать в церковной сторожке. Ночью повязали трех служек храма, пригрозили лишить жизни, если не дадут ключи.

Золотое распятие! Ванька не пожадничал, преподнес его атаману. За ласку и привет.

— Вот, други, как надобно работать в Работках! — лучился от радости Заря. — На воде вы все хваткие. А на берегу... Это какую удадь надо иметь, чтобы взять дар самой Елизаветы Петровны. Качать Ваньку и Камчатку.

Их несколько раз подбросили. Звезды плыли перед Ванькиными глазами. Казалось, вот-вот он достанет до них рукой.

АХ, ТОШНО МНЕ, ДОБРУ МОЛОДЦУ

С этого золотого распятия и начались для пиратов Мишки Зари несчастья. Словно сам Христос Спаситель решил их наказать. Разбои пиратов, особенно кража в Шубинской церкви, не на шутку всполошила власти. Во всех поволжских селениях ударили в набат — так случилось во время войны. В деревнях собирались вооруженные отряды для поимки разбойников. Прислали Редькину еще один драгунский отряд. Повсюду рыскала полиция. Где только можно устраивали засады.

Уже не только крестьяне, простые мужики, но и волжские бурлаки помогали полковнику Редькину. Минули времена, когда о неуловимых ворах рассказывали, как о былинных молодцах. Люди атамана Зари, а особенно Ванька Каин, не гнушались грабить бурлаков, отбирать последнее у нищих, бродячих монахов. Один лишь Камчатка предостерегал против такого бесстыдного разбоя, но Каин не знал удержу. Воровской азарт слепил очи, холодил сердце.

И вот наконец выследили Зарю. Разгромили один «круг», второй, третий... Пиратские галеры обстреляли пушками. Ваньке, Камчатке и Жузле удалось бежать в Керженские леса. Там, в глухом урочище, в наспех сооруженном шалаше обсуждали они свое незавидное положение. Все! Больше в Поволжье оставаться нельзя. Сколько веревочке ни виться...

Убили лося, жарили мясо. Жузла, перебирая струны балалайки, затянул старинную песню:

*Ах, тошно мне, добру молодцу.
Что грустно-то мне, добру молодцу.
Мне ни пить, ни есть, добру молодцу.
Мне еда, питье на ум нейдут.*

Отбросил Жузла балалайку:

— Ваня, что делать будем?

— Ах, Жузла, мил человек, жаль расставаться с тобой. Живи своим умом. У нас с Камчаткой другая дорога.

СМЕРТЬ КАМЧАТКИ

Поздней осенью 1741 года Ванька с Камчаткой возвращаются в Москву. Убежал Ванька отсюда отроком, вернулся молодым мужиком. Ему двадцать пять лет. Встретишь — не узнаешь.

Денег у них было достаточно. Приобрели дом, устроили в нем калашное заведение — пекарню. Не воры, но мукомолы, пирожники, хлебопеки служат под их началом. Забыв все прежнее, можно жить припеваючи.

Но что-то случилось с Камчаткой. Бывший матрос затосковал по тому, что связано с флотом.

— Ваня, не обессудь. Веди сам контору. Я пойду служить на парусную фабрику.

Паруса! Камчатка знает в них толк. Какие для фрегатов, какие для дубель-шлюпок, для бригов.

А живут они одним домом. Камчатка поздно возвращается с фабрики. Усталый, веселый — нашел дело по душе.

— Нет, Ваня, воровать больше не пойду. Посчитать, разбоем отдал пятнадцать лет. Вот женюсь скоро. Одна девушка есть на парусной.

— А веди ее сюда. Пристройку сделаем. Живите.

Как-то Камчатка рассказал, что видел Курояда. Все такой же, седой только.

— Узнал тебя?

— Вроде нет. Виду не показал.

Несчастье, однако, не замедлило явиться в калашное заведение. Вернувшись однажды поздно вечером, Ванька застал в доме полный разгром. Разбиты месильные чаны, разрушены печи. На полу — бездыханный Камчатка с ножом меж ребер. И на клочке бумаги каракули: «Тяп-ляп — клетка, в угол сел — печка».

Выследили. Точно — Куроядова месть. Адама Емельяновича месть. Сколько годов минуло — не простили...

Сроду он не испытывал такого горя, как в те дни. Жалость и сострадание были ему неведомы. Жизнь приучила надеяться только на собственную хитрость, изворотливость, бесстрашие. В людях он видел единственно лишь корысть да себялюбие. Не таким был Камчатка. Для друга ничего не пожалеет,

выручал, ограждал от людской злобы. Несколько дней Ванька ходил сам не свой, не скрывал слез, почернел от печали.

Догадался — самому надо побережиться. Ватага не оставит его в покое, воровские правила не ведают сдоболия. На какое-то время затаился у одной вдовы на Рогожской заставе. Заперся, на улицу носа не кажет. Как дальше жить? Вернуться в деревню? Поди знай, жив ли отец, остались ли какие родичи?

Шагает по комнате, размышляет. Пять шагов от одного угла, столько же от другого. Однажды услышал за окном отчаянный крик: «Лови вора!»

Лови вора... Господи, да вот же выход. В ум ему приходит невероятное решение.

СЛОВО И ДЕЛО

Решение, и верно, необычное. Ванька является в магистрат, просит увидаться с князем Кропоткиным. Кстати, с тем самым, которого однажды обворовал.

— Его сиятельство не принимают.

Адъютант князя дает от ворот поворот.

— Ваше благородие, вот так, позарез надо.

— Надо, так пиши челобитную.

— Самолично хочу.

Человека низкого роду-племени да к князю? Пошел прочь, голь перекатная.

Остается одно:

— Слово и Дело! До его сиятельства — Слово и Дело!

Что делать? Адъютант докладывает Кропоткину про настырного посетителя. Вообразить невозможно! Ванька Каин! Тот самый вор, что несколько лет назад навел ужас на Москву! И сам вручает себя правосудию!

Ванька ведет себя спокойно.

— Ваше сиятельство, можете бросить в темницу, судить. Все приму как есть. Но рассудите: какая от того будет польза? Одним вором в Москве станет меньше. Вот, дескать, удача. Обещаю, ежели мне

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА (1709 — 1762) — российская императрица с 1741 года, дочь Петра I.

Опираясь на гвардию, Елизавета Петровна отстранила от власти годовалого императора Иоанна VI с его матерью Анной Леопольдовной. Это был настоящий заговор, и руководила им сама Елизавета Петровна. Всю жизнь она боялась, что ее свергнут таким же образом, и поэтому переносила свою спальню из одного покоя в другой: обычно заговоры совершались в ночное время.

Во время ее правления был открыт Московский университет, прославился своими трудами великий русский ученый М. В. Ломоносов. Была отменена смертная казнь.

Елизавета Петровна во многом следовала своему отцу — Петру I. При ней открывались новые училища и гимназии, заведена университетская типография и печаталась новая газета «Московские ведомости».

Как и ее предшественница, любила веселье, во дворце часто устраивались балы, спектакли.

Она и правда была душой гвардии, дворян, ученых, писателей и русских людей, которые заменили иностранцев у ее престола.

поверите, переловить до сотни воров. Знаю их повадки, притоны. Где, что, почем.

Право, слышать все это странно, необычно. С подобными предложениями к князю никто сроду не обращался. Впрочем, отчего же не попробовать? Но надо заручиться поддержкой в Санкт-Петербурге.

— Иван Осипов, пиши прошение на высочайшее имя.

Гусиное перо. Чернила. Неровными буквами Ванька выводит:

«Как всемогущему Богу, так и Вашему императорскому величеству приношу повинную. Доношу, что я Иван Осипов с кличкой Каин, забыл страх Божий и впал в немалое прегрешение. В прошедших годах денно и ночно мошенничал, а ныне желаю с тем покончить. Прошу, Ваше императорское величество, принять меня в Сыскной приказ для поимки прежних моих товарищей и обещаюсь множество их изловить и привести к закону. К тому чистосердечно признаюсь, что при прежних моих разбоях только крал, а убийства никому не чинил...»

Каина держат взаперти. Князь ждет не дождется, как отнесется Санкт-Петербург к столь необычному предприятию.

Юстиц-коллегия, ведающая тем, что связано с преступностью в государстве, в некоторой растерянности. Дело докладывают ее величеству императрице Елизавете Петровне. Ей тридцать два года, она только что возведена на престол. Прошение некоего Каина забавляет ее.

— Какой мошенник, однако! — смеется государыня. — Он что же, стар, молод?

— В зрелом возрасте, ваше величество.

— Прошение, кажется, писано от сердца. Отчего же не пойти навстречу? Всяк риск достаточен, когда он во благо моей стране. Дать ему команду да хорошо присматривать за ним. Оправдает доверие — поставить доносителем в Сыскной приказ. Затем мне рассказывать о Каиновых подвигах. Я позабавлюсь. Ах, мошенник!

Юстиц-коллегия — в XVIII веке ведала судебными делами, рассматривала приговоры, вынесенные преступникам. Само слово юстиция в переводе с латинского означает правосудие, правду. И не случайно в те времена говорили: чинить суд да правду. Но судьи не всегда выносили приговоры по закону и совести. Особенно трудно было добиться правды простому люду, беднякам. Как правило, дело выигрывал тот, кто богаче.

МЕСТЬ

В келье одного из заброшенных монастырей Адам Емельянович перед сном распределял выручку. Днем почистили кассу грека Зефира, но добыча не оправдала ожиданий. Видно, грек таил деньги в ином местечке. Взяли кое-какие вещи, пистолет.

В келье еще трое воров — беглый солдат, поп-расстрига и комедиант Курояд.

— Провел нас этот гречанин, — чертыхался главарь. И подвинул Курояду несколько медных монет. Подбросил на ладони пистолет: — Тебе!

Курояд обиделся:

— Обижаете, Адам Емельянович, а за калашное заведение? Так ничего и не получил. Знаете ведь, и Камчатка моих рук дело.

— За Камчатку особое спасибо. Вань-

ку Каина выследи — цены тебе тогда не будет.

— Сгинул Каин.

— Из-под земли достань. Людей поспрошай в трактирах. Он охотник там бывать. К девке Марфе ребят поставь, пусть подежурят. Непременно к ней пойдут. Но особо погляди в кабаках.

— Знамо дело, — кивнул Курояд. — Шасть на кабак, дома ли чумак.

Беглый солдат и поп-расстрига тоже получили свои денежки.

Курояд поднялся с лавки, упрятал пистолет за пазуху.

— Пойду, пожалуй.

— С Богом!

Главарь забрался на полати. Солдат и поп-расстрига улеглись на полу. Только затушили свечи — под ударами приклада вылетела дверь.

— А ну руки за голову!

К голове Адама Емельяновича кто-то поднес фонарь. Ванька Каин! За ним целая команда солдат.

— Ты?

— Я, я. — Каин сдернул главаря с полатей.

Беглому солдату и расстриге уже вязали руки.

— А это тебе. — Ванька сдавил запястья Адама Емельяновича веревками.

Потом обшарил келью. Среди прочей рухляди обнаружил тетрадку Хорька и Авеля, куда они заносили свои «деяния». Сейчас читать было недосуг, но улика верная.

Ванька поднес кулак к носу главаря.

— Где остальные? Хорек, Апель, Курояд? Ну?

— Курояд где — не знаю. Был, да сплыл.

— Второго глаза лишу. — В руке Ваньки блеснул нож. — Говори — где?

— У деда Михея поищи... в заручке Данилова монастыря.

— Ну, Адам, ежели врешь — не видать тебе свету!

ВОТ ВАМ ЗА ВОРОВО, ВОТ ВАМ ЗА ЗДОРОВО

В сторожке деда Михея горел свет. Заглянув в окошко, затянутое бычьим пузырем, Ванька разглядел смутные фигуры старика, Авеля и Хорька. Играли в карты.

Дав знак команде затаиться, постучал в дверь.

— Кто?

— Свои, — поменяв голос, отозвался Каин. — От Адама срочное дело.

Вошел в сторожку. Воры обомлели. Изрядно повзрослевший Хорек схватил со стола нож. Апель поднял табуретку, швырнул в Ваньку. Тот едва увернулся. Дед Михей опрокинул стол.

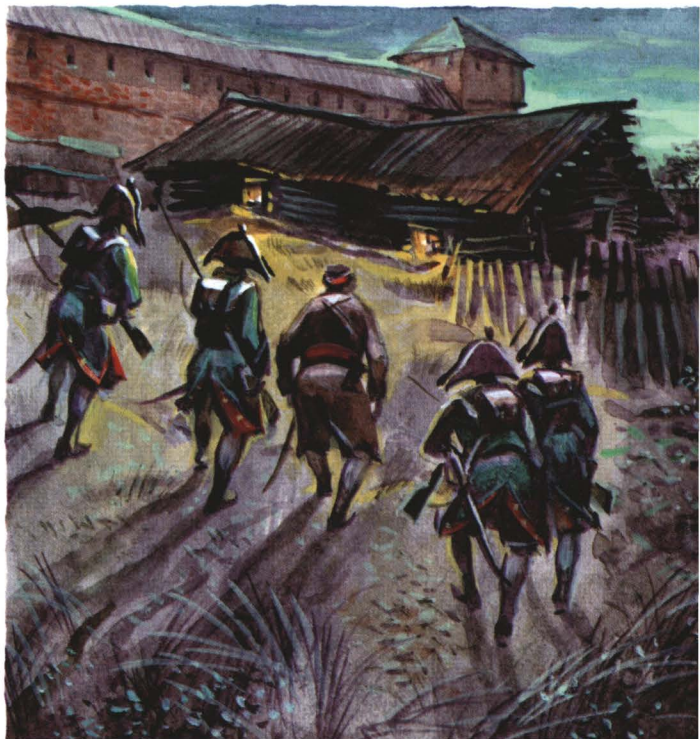
— Бейте его, ребята. С того света вернулся, на тот свет и пойдет.

Заломив руку Хорька с ножом, Ванька саданул ему ногой в живот.

Подоспели солдаты. Апель вышиб окошко, пытаясь сигануть на двор, кто-то из команды приложил его прикладом.

— На лавку! Мордой книзу! — вскричал Каин.

Деда увели. А Ванька лупцевал старых дружков со всем остервенением, с искаженным от ненависти лицом.

— Вот вам за ворово, вот вам за здорово! Вот вам на первый раз. Вот на второй! Вот на третий!

В ту памятную ночь Ванька Каин с приданной ему командой накрыл несколько банд. Всего было схвачено до ста воров. Подумать только! То, что не удавалось сыщикам Сыскного и Расправного приказов, ему удалось с полуночи до утра! Были обнаружены притоны в таких московских уголках, куда побаивалась ходить полиция.

В следующую ночь Ванька явился к писарю Ефиму Советову. Злодея, выдавшего его властям, он никогда не забывал! К тому времени Марфы не было в живых. Писарь обзавелся новой женой. Она и открыла дверь. Ничего не соображая со сна, Ефим в одних подштанниках вскочил с койки. Увидев вооруженных людей, возопил:

— Как смеете? Жаловаться буду. Я при власти.

Вперед выступил Ванька.

— А вот и нет! При власти я теперь. Помнишь, обещал свидеться.

— Поклеп! Слово и Дело буду кричать. Се есть вор Каин!

Ванька с оттяжкой врезал Советову по зубам.

Прошлой ночью среди других шаек Ванька взял главаря воров по кличке Пиво. Того самого, что когда-то рассказал о тайных связях писаря с разбойным людом, о том, как тот за немалые деньги выдавал вора секретные Сыскного приказа. Скоро Пиво подтвердит свои показания.

А сейчас Ефима Советова, закованного в железо, бросили в крытую телегу и повезли в кутузку.

Вот это добыча! Один Ефим Советов чего стоил! Столько лет укрывался за своим писарским столом, с собачьей преданностью служил властям — это на свету. А в тени — творил черное, предательское дело, потакая насильникам и бандитам.

Ахнули в Сыскном приказе:

— Вот так Каин! Цены ему нет.

Штемпель гербовой бумаги 1724 года

КАИНОВО СЕМЯ

Бывшему вору Ваньке Каину прощены все его грехи. Снова выдан так называемый открытый лист. Владелец бумаги именуется доносителем Тайного приказа. В помощь ему выделена постоянная команда солдат. Иван Осипов! Одно это имя наводит ужас на московское ворье. Ему знакомы все мыслимые и немыслимые трудности, самые неведомые воровские лазейки — в прошлом Ванька не раз бывал там.

Столь рьяное усердие, конечно же, не остается незамеченным. Им довольны сенатский прокурор Щербинин, советник Воейков. Эти важные господа когда-то допрашивали его в кутузке. Времена менялись. Прокурор Щербинин не гнушается позвать в дом Ивана Осипова — посоветоваться о дальнейших действиях. Один Иван Осипов стоит дюжины сыщиков!

Так проходит год, второй. Когда однажды императрица Елизавета вспомнила о бывшем воре Каине, ей доложили:

— Доноситель московский Иван Осипов похвально несет службу.

— Я ему недаром поверила. Что ж, в Москве теперь тише с разбоями?

— Тише, Ваше величество.

А у Ваньки теперь верный и неизменный помощник — Шинкарка.

Он был схвачен в ватаге главаря Пиво.

— Будешь мне служить, Шинкарка? Не то сам знаешь...

— Господи, да с удовольствием. Век такой милости не забуду.

Эта дружба оказалась еще как полезна. Искать Шинкарка умел не хуже, чем воровать. И скоро смекнул свою выгоду. Привел к доносителю одного приказчика. Тот упал на колени:

— Ваше благородие, брата ни за что ни про что забрали в караулку. Ни за какими деньгами не постою, когда выручите.

И в кулаке — сторублевая бумажка.

Иван Осипов едет в участок, где арестован брат приказчика. Выясняется: тот ножом порезал жену.

— Выдать мне! Повезу его в пыточную.

И уводит арестованного преступника, чтобы через час его отпустить.

Шинкарка! Вот удружил! Лишь бы только недругов не нашлось. Будь ты хоть трижды доноситель, на тебя самого найдутся доносчики. И Ванька сочиняет прошение на имя прокурора Щербинина. Служу, мол, честно. Да больно много обиженных, злобу затаивших. При такой службе того и жди оговора.

Прокурор заверяет, что бояться доносителю Осипову никого не надо. И даже принимает такое решение: «Отныне показания на Ивана Осипова, если они поступят, во внимание приняты не будут». Неслыханно! Вот она, спасительная бумага!

Нет, не завяло в нем Каиново семя. По-маленьку корешки пустило, пошло в рост.

ВАНЬКИНЫ ПОДНОШЕНИЯ

Ванька может войти в доверие к кому угодно — весел, ладно играет на балалайке, душевен. Слова незабвенного Камчатки прочно засели в памяти: «Удача, Ваня,

не любит ненасытных денег». И вот Ванька главного канцеляриста приказа ведет в торговые ряды. Предлагает купить облюбованную вещь. Сам платит.

— Какие счета, ваше благородие? От сердца мой подарок.

В те времена взятка называлась обходительным словом — подношение. Доноситель Осипов подносил подарки полицейскому советнику. Сам прокурор Щербинин не гнушался взять дорогую фарфоровую посуду.

Ванька покупает себе дом в Зарядье. В светлицах чудесная мебель карельской березы, портрет Петра I в золоченой раме, зеркала. На полу — персидские ковры. Полная чаша, а не дом. Деньги сами плывут в руки при такой службе.

Обнаруженные у воров вещи и драгоценности сдаются по описи в казну. Доноситель-сыщик Осипов лишней копейки не возьмет от награбленного ворами. Но кому, как не ему, знать, что ватаги хранят большие деньги в «заручках». Поделись, главарь! Не пожалеешь, выйдет тебе поблажка; покажу, что вина твоя не великая...

Делились. А иногда, если вор открывал весь тайник, Ванька отпускал его вовсе. Гуляй на воле, не попадайся больше в руки правосудия.

Суповая миска середины 18 века

Сыскной приказ — учреждение, которое занималось поиском воров, разбойников, беглых людей, словом, всякого рода преступников. Их там допрашивали, а кто не признавался, того пытали. Для пыток использовали самые разные орудия, например, дыбы. Связав руки, узника подвешивали к поперечному столбу. Дыбы не случайно называли еще висками. Провисев на столбе с закрученными руками час или два, человек от боли терял сознание. В таких пыточных камерах Сыскаго приказа применялись и другие жестокие истязания. Тисками защемляли пальцы рук. С помощью винтов тиски все сильнее сдавливали пальцы. Не выдержав пытки, преступники признавались в своих злодеяниях. Самое страшное было вот что: приговоренному к каторге железными клещами вырывали ноздри.

ПИВО ПИЛ, ПО УСАМ ТЕКЛО, А В РОТ ПОПАЛО

Шинкарка приваживал в Ванькину команду все новых людей, готовых верой и правдой служить доносителю. Тот сыщик удачлив, у кого имеются свои доносители — глаза и уши. Самому везде не успеть.

Шинкарка усмотрел с подручными дом, где орудуют фальшивомонетчики. Дом фальшивомонетчиков оцеплен. На пороге сыщик Осипов.

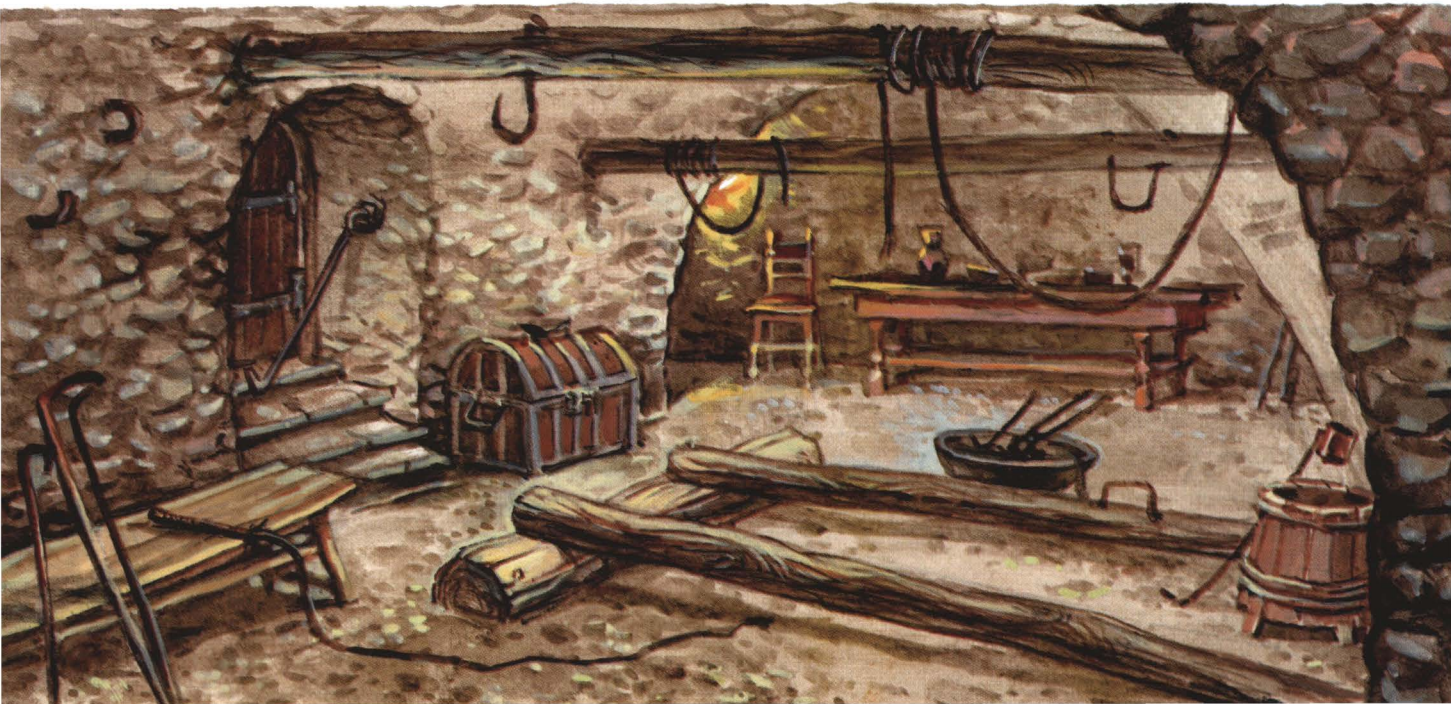
— Слово и Дело!

За литье фальшивых денег — жестокое наказание. Ванька ведет преступников к себе домой, где в подвале у него собственная пыточная. Клещи, плети, дыба. Руки скрутят, на веревке подвешат к потолочному крюку, накричишься, наплачешься...

— Братцы, можно и по-хорошему договориться, — лебезит Шинкарка. — Отдайте золото из тайников. Ваши фальшивые деньги — в реку. И никакого Слова, — хочется. — И никакого Дела.

Последнее отдашь.

Придумал Ванька Каин и такое дело. Открыли с Шинкаркой питейное заведение. Пиво варили на любой вкус. Черное, светлое, бражку, корчажное.

*Трактирный дом, построенный
на голландский манер*

— Угощайся, народ! — приваживает посетителей Шинкарка.

Не за малыми копейками, однако, погнались приятели. В одном из котлов готовится пиво с дурманными травами. Выпьешь такого кружку-вторую, по усам потечет, в рот попадет — и в беспамятстве валяешься с ног.

Кому подавать такое пиво, Шинкарка с полувзгляда понимает. Не бедняку же с тощим кошельком. Купчине.

Ах ты, срамota какая — упился бедняга! Везут его домой к доносителю Осипову, бросают в подвал. Тем временем сообщники по команде — к родичам бедолаги.

— Так и так. Кормилец ваш в кабаке непотребно вел себя. Бросался на всех с кулаками. Кричал против властей. Сейчас Сибирь плачет по вашему дому.

Тут как тут — доноситель Осипов. С этим шутки плохи. Мольба. Слезы.

— Помилуйте, ваше благородие, хозяина. Окажите Божескую милость.

Доноситель хлыстиком помахивает. Божеская милость за спасибо не дается. Шитокрыто, строго между нами, судари. Откупитесь — получите кормильца. Кто же захочет жадиться, когда над домом нависло грозное предупреждение: Слово и Дело!

А Шинкарка за стойкой питейного заведения заманивает:

— Угощайся, народ, выкладывай копейку, радуйся да пей-ка!

КАК БРАЛИ МЕДВЕДЯ

Время от времени надо было показать себя в опасном и громком деле. Известно: похвальная молва нелегко достигается, но легко забываются прошлые заслуги. Обретенную славу надо постоянно поддерживать, иначе она достанется другим. А сам в тень уйдешь. Каин это отлично понимал.

Случилось так, что небезызвестная воровская шайка атамана по кличке Медведь с пятьюдесятью головорезами дерзко напала на подмосковное село, принадлежащее императорской фамилии. Убили старосту, зарезали нескольких сторожей, ограбили царскую канцелярию. Слух об этом налете достиг Санкт-Петербурга; на московских градоначальников обрушилось недовольство трона.

Найти разбойников Медведя вызвался Иван Осипов, тем более что за голову атамана обещалась немалая награда.

— Оставь кабак, — велел Ванька Шинкарке, — ищи Медведя в его берлоге. На одной неделе четыре четверга, один четверг станет нашим.

Нюх у Шинкарки — как у ищейной собаки. Разведаль, что Медведь хоронится близ Покровского монастыря. Разбойников не один десяток, все вооружены. Удастся ли справиться с такой бандой одной команде Каина?

— Что ж, солдатский батальон вызывать? — усмехнулся Ванька. — Авось сами Медведя достанем.

— Рисково.

— А наудалую пойдем. Я с Зарей не то видел.

Выведали все, что надо, про логовище банды. Полуразрушенная изба, притулившись к монастырским стенам, стояла на самом краю обрыва. К его откосу от избы вели подкопы; они петляли к самому лесу. Воры сильно полагались на подземные ходы. Это и определило хитрый план Каина. С небольшой группой людей он затаился

у выхода из подземелья. Лаз был узок, как раз чтобы пролезть одному человеку.

Люди, приданные Шинкарке, с масляными фонарями в руках оцепили избу. Открыто себя обнаружили.

Швырнули камень в окно.

— Выходи, Медведь! — заорал Шинкарка. — Да всем бросить оружие!

В ответ раздалась выстрелы. Но, как верно предположил Ванька, бандиты не стали вступать в бой с полицией. Точно крысы, друг за дружкой, поползли подземным своим путем к откосу. Только из лаза появилась башка — дубиной по ней. Вор и звука не издаст. Выволокут миленького наружу, кляп в рот, на ноги кандалы.

Одним из последних из лаза выкарабкался тщедушный мужик в полукафтане, с реденькой бородкой, испуганными глазами. Курояд! Комедиант из ватаги Адама Емельяновича! Как же долго искал его Каин! И вот, пожалуйста, собственной персоной.

Ванька не позволил бить его.

— Этого не забижать. Старый мой приятель. С ним особый будет разговор.

Курояд упал на колени, взмолился:

— Ваня, не бери греха на душу. Вспомни, как вместе жили, пировали.

— Помню, Курояд. Видишь, пожалел тебя, не дал прибить. Теперь служишь шутком у Медведя? Ну и мне послужишь. И по Камчатке вместе панихиду отслужим...

О беспримерной удаче сыщика Осипова вновь заговорила Москва. Начальство не могло нарадоваться на него. Первого доносителя наградили. Всем другим ставили в пример. Умел, умел Каин в нужный момент показать себя в самом лучшем виде: честнейшим отважным государевым служителем!

ИГРЫ О ЦАРЕ СОЛОМОНЕ

Так жил сыщик-доноситель Иван Каин, гроза московского вора, утешитель московского начальства. Как он беспощадно умеет расправляться с теми, кто не в ладах с законом, однажды показывал Ванька на самой Красной площади. Задумал небывалую всенародную потеху. Для всеобщего обозрения.

Случилось то в масленицу, в один из самых веселых зимних праздников. Застучали на спуске возле собора Василия Блаженного топоры, завизжали пилы. Строилась деревянная сцена, рисовались на холстах декорации царских чертогов. Тридцать набранных шутов разучивали старинную пьесу под названием «Игра о царе Соломоне».

Последний день масленицы — прощенное воскресенье. Стихли розыгрыши ряженых. Потиху стало на снежных горках для катания на санках. Москва вдоволь поела блинов со сметаной и маслом. Прощеное воскресенье всем людям дает

прощение. Забываются старые обиды, ссоры, скандалы. Кто старое помянет, тому глаз вон. Нет прощения только разбойникам и ворам. Всем, кому не уйти от недреманного ока сыщика-доносителя Ивана Осипова!

Вот какое зрелище обещается на Красной площади!

— Всем, кто желает видеть наше представление, — возглашает один из шутов, — принести с собой метлы да плети.

В потешном действии две главные роли — царь Соломон и мерзкий вор Морвольф. Этот Морвольф, пройдоха, негодяй, мошенник, похищает у царя супругу. Просит за нее выкуп. Царь Соломон трясется от злости:

— Найти вора!

Масленица — старинный русский праздник, когда отмечались проводы зимы и встреча весны. Масленица длится целую неделю, в эти дни пекутся блины на масле, пряженцы — оладьи из черной муки. Этот праздник сопровождался катанием со снежных горок. Строились балаганы, карусели, устраивались карнавалы с плясками, переодеваниями. Мужчины рядились в женские платья, женщины — в мужские костюмы, надевались всевозможные маски, или, как тогда говорили, — личины. Устраивались на потеху публике кулачные бои, представления шутов.

Верные слуги пускаются в поиск. Морвольф укрывается в самых надежных местах. Посмеиваясь над царем, распевает песенки. Одна такая: «Ах, я вор-чудодей, царских обманул людей». Когда-то похожую песенку исполнял вор-комедиант Курояд. Ванька не случайно эту песенку вставил в пьесу.

Дальше — больше. Переодевшись, вор Морвольф забирается в царский дворец и крадет золото. Как гневается Соломон! Напрасно его хотят развеселить шуты. Царь в горькой печали.

Забавное зрелище. Хохот. Рукоплескания. Восторженные возгласы. Ради такой потехи не грех простоять два часа на морозе. Недолго вору Морвольфу измываться над царем. В конце концов его излавливают.

— Плети приготовить! — возглашает со сцены шут, играющий главного царского сыщика. — И метлы сойдут.

И вот по площади, меж расступившимися рядами, ведут не комедианта из пьесы, а настоящего, недавно пойманного вора. Его только что привезли из тюрьмы. Господи, да это же не кто иной, как Курояд!

Его раздевают, набрасывают на голову

шутовской колпак, к шее привязывают галстук. Ударили барабаны. Запели валторны. Курояд идет, рядом паясничает скоморох с медведем. Шесть раз проводят Курояда между рядами зрителей, и каждый плетью или метлой полосует его по обнаженной спине.

Курояд еле держится на ногах. Чуть отступя, за ним следует Каин. Вместе с публикой потешается над избиваемым вором, убийцей, комедиантом.

— Бей, не жалей плетей! — призывает он. — Добрый или злой, хлещи его метлой!

Право, весело глядеть, как Курояд, стесная и проклиная бывшего своего сообщника, исполняет последнюю в жизни роль. Ни один актер не может так правдиво плакать и бесноваться от злобы и боли.

— Бей, не жалей плетей!

И сам не может удержаться, чтобы напоследок не хлестнуть по спине Курояда.

— Так будет со всеми, — возглашает Каин, — кто покусится на чужое. Ибо сказано в Писании: «Не укради, не убий!»

В ту пору в Москву приехала императрица Елизавета Петровна. Ей рассказали про потешное зрелище на Красной площади. Она смеялась:

— Если бы у меня было больше таких людей, как Иван Осипов-Каин, в России перевелись бы вору.

ПОЖАР

Он уже привык вести двойную жизнь. Для начальства самый удачливый и смелый сыщик. На самом же деле — тот же вор Каин, держащий в кулаке всех московских разбойников и мошенников. Ловит и сажает в тюрьму мелких воришек. Главари побогаче откупаются. С ними Ванька Каин в тайном сговоре. Задумывается ли он о своем несправедном пути?

Даже друг Шинкарка порой остерегал:

— Ваня, высоко парим. Лететь вниз будет больно. Может, остановимся?

Но давно уже в Ваньке замолк голос крестьянского сына, конепаса Ваньки Осипова. Не мучили его сны. Не волновали людские слезы. После смерти Камчатки он ожесточился. Очерствел, как сухая кора мертвого дерева. В ответ на увещевания Шинкарки злобно откликнулся:

— Лететь вниз боишься? Не держу. Дам тебе пятиалтынный, катись колобком. А что высоко парю, то воля высоких московских людей. Во кулак — видишь? Пальцы один к другому. Мно-о-огие тут у меня в кулаке. Тебе про то знать не дано. Понял, приятель?

— Нешто, Ваня, и высокие люди тебе подвластны?

Каин залился веселым смехом:

— Не по службе, а по дружбе. А дружба та мне недешево стоит.

Чего раньше не было — стал скуп. Может, для тех высоких людей ничего не жалеет, а для помощников своих скряга. Серые зрачки его смотрели холодно, отливали тусклым блеском латунных копеек. Выдавал деньги сообщникам по самой малости, как когда-то Адам Емельянович. Единственное, чему радовался, — лишней сотенной бумажке, драгоценному ожерелью, бриллиантовому свету, жемчугам.

Где богатство — там жадность, но и

трусость, но и подозрительность. Не верил Ванька своей ватаге. Все казалось, что его ограбят. А в свою удачу по-прежнему верил, оберегал ее дружбой с теми, от кого зависела его служба. Но и эта дружба дала первую трещину.

В тот год на Москву обрушилось великое бедствие. Пожар. Пламя пожирало целые слободы, посады, улицы. Горели дворцы, церкви, монастыри. Кремль полыхал. Тысячи жителей покинули город, спасаясь от огня. Лишь одному вору раздолье. Повсюду разбои. Повальные грабежи. Подобно иноземному нашествию, воровские шайки овладели городом.

Для их усмирения в Москву вводятся войска. Назначается новый генерал-полициймейстер Татищев. И тут помаленьку выясняется, что расхваленный король сыска Иван Осипов не был столь прилежен, как о том шла молва. Притонов-то, оказалось, не поубавилось. Новый генерал-полициймейстер велел усилить надзор над Сыскным приказом.

Пожар потушен. Воры на какое-то время утихли, попрятались в своих логовах. Да они уже мало волновали Каина. Есть куда более выгодный промысел.

КТО «ДЕТУШКАМ» СПАСИТЕЛЬ

Из Санкт-Петербурга пришел имен-
ной указ императрицы Елизаветы: обя-
вить строгости врагам церкви, которые
отклоняются от истинной православной
веры, — раскольникам. Раскольники
тоже, в свою очередь, разделились на
разные братства. Например, хлыстуны,
скопцы, беспоповцы, бегуны.

Хлыстуны — те до чего дошли? Во
время молений устраивают дикие пляс-
ки, со всех сил бичуют себя плетьюми.
Выбрали себе собственную Богородицу,
ждут, что Спаситель вот-вот прикатит на
огненной колеснице, ударит в колокол
и соберет на царство верных «детушек».
Так хлыстуны называли друг друга, не
почитая других, кто не принадлежит к
их братству.

Среди хлыстунов попадались весьма
богатые люди. Конечно, они таились от
властей, скрывая непотребный образ
жизни.

Вот этот страх доноситель Иван Оси-
пов и обратил в свою пользу. Вынюхав с
помощью сообщников дома, где по но-
чам собираются «детушки», под угрозой
сдать их властям выманивал большие
деньги.

Один из видных хлыстунов не поже-
лал делиться. Каин приказал выкрасть у
него дочь. Не пошли ему впрок уроки
пиесы «Игра о царе Соломоне».

И вот случилось то, о чем Каина остере-
гал Шинкарка. Отец похищенной до-
чери, именитый господин, обливаясь сле-
зами, припал к ногам генерал-полици-
мейстера Татищева.

Как на духу рассказал о проделках до-
носителя Осипова, разумеется, скрыв, что
сам принадлежит к хлыстунам.

Как, сыщик Осипов — вымогатель?
Крадет за выкуп людей?

Похищенную дочь находят в его доме!
Под арест доносителя! Дознаться обо всех

его деяниях, а заодно выявить тех, кто
оказывал сыщику доверие, выдавал ему
спасительные грамоты.

В.О.Р.

На первых допросах он держится уве-
ренно. Ни в чем особо не виновен, служ-
бу нес исправно.

— Зачем похитил девицу?

— Господи, да ради же того, чтобы луч-
ше исполнять указ Ее величества. При-
пугнуть «детушек». Вон раньше сколько
разбойников привел в суд. И сейчас же-
лал дать укорот хлыстунам да бегунам. С
ними нельзя по-хорошему. А иного греха
нет. Весь на виду.

Подьячие записывают показания Каи-
на в протоколы, явно стараясь выгородить
его, спасти от сиятельного гнева генерал-
полицимейстера Татищева.

— Бог не выдаст, свинья не съест! —
заверяет Каин своих дружков по тюремным
нарам. И сочиняет молодецкую песню, ко-
торая намного переживет его самого:

*Не шуми, мати, зеленая дубравушка,
Не мешай мне, добру молодцу,
думу думати!
Что заутро мне, добру молодцу,
на допрос идти,
Перед грозного судьею — самого царя.*

— Ты скажи, скажи, детинушка,
крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем
разбой держал,
Еще много ль с тобой было товарищей?
— Я скажу тебе, надежда,
православный царь,
Всю правду скажу, всю истину,
Что товарищей со мной было четверо:
Еще первый мой товарищ — то
темная ночь,
А другой-то мой товарищ был —
булатный нож.
А как третий-то товарищ — то мой
тугий лук.
А четвертый мой товарищ — то мой
добрый конь.

Начальство Сысского приказа объявляет Татищеву: доноситель Осипов, по кличке Каин, — полезный служитель, хотя и допустил отступления от закона. На том настаивает и прокурор Щербинин.

Какое единодушие! Как московская власть защищает доносителя! Да не сговор ли тут? Татищев в ярости отбрасывает принесенные ему протоколы.

— Бросить одного в подвал! Кормить мало! Никого к нему не допускать!

Шлет срочную депешу императрице:
«По всеподданнейшему моему мнению
для Каинова следствия надобно учредить
особую комиссию...»

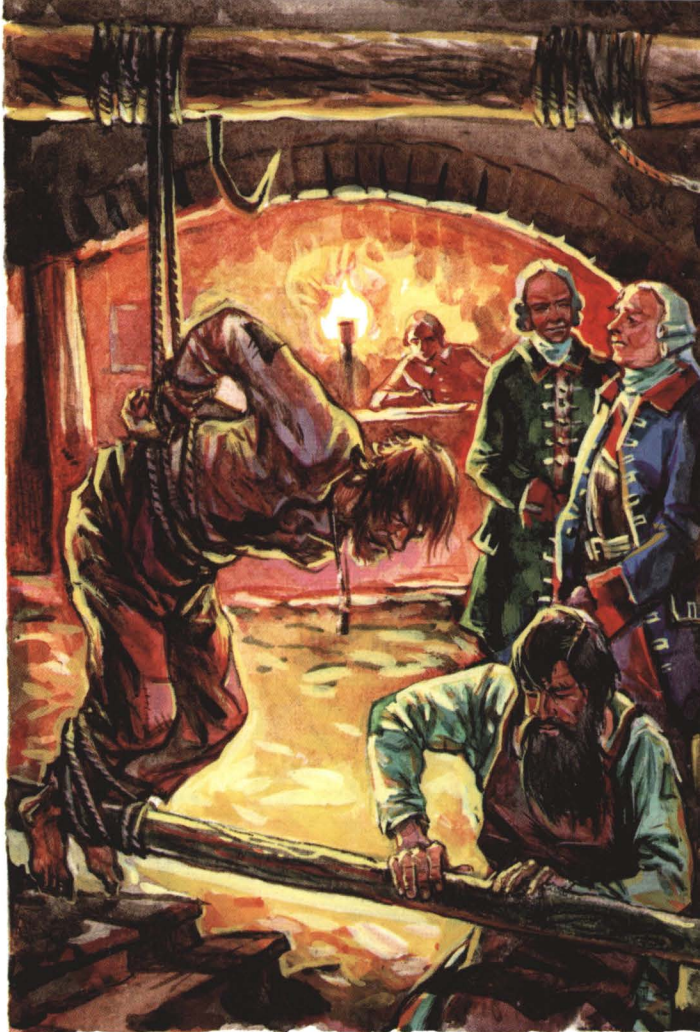
Комиссия создана из высоких чинов Санкт-Петербурга. Татищев недаром подозревает, что в сообщниках у Каина были не только разбойники.

— Покайся, говори начистоту, — требуют члены особой комиссии, — выйдет тебе мягкий приговор.

Четыре глухие стены. Сырость. Худая еда. Крысы. Его подвешивают на дыбу, лупят плетью.

— Говори все как есть! Называй сообщников.

Вот когда Каин понимает, что похож-

дениям его пришел конец. А жить хочется. И вчерашним заступникам нет веры. В нем просыпается истинный непритворный доноситель.

Что мелкое ворье, которое он вылавливал? Есть воронье покрупнее. Те ук-
рываются не в притонах, но сидят в бо-
гатых кабинетах, ездят в роскошных ка-
ретах, сладко едят, спят в чистых по-
стелях. Не сумели выручить, так пропа-
дайте со мной!

И начинается судебное следствие, одно из самых невероятных в российской истории. Оно длится долгих семь лет! Не бывало подобного никогда: столько людей вовлечено в преступные деяния. Каин исполняет свою роль не хуже, чем комедианты в пьесе «Игра о царе Соломоне». Он беспощаден. Как знать, не это ли было его главным призванием с тех

пор, как он в детстве донес на купца Филатьева?

Он опутывает всех одной петлей — от кабацкой голи до высших московских властей.

Императрица Елизавета Петровна требует докладов от Татищева. Что нового открылось? Кто замешан?

Непостижимо! Разум отказывается верить. В протоколах мелькают знатные титулы и звания — граф, князь, сенатор... Обер-офицер, виднейший военачальник, граф Шереметев брал со своих московских купцов постоянную плату. Деньги присваивал огромные.

Прокурор Щербинин закрывал глаза на разные Каиновы разбои, за что ежемесячно принимал от него драгоценности, золотую и серебряную посуду, ковры, сукна.

Советник Воейков тоже не гнушался дорогими подношениями. Московские

судьи миловали тех, за кого вступался Каин, — почти всех московских чиновников сумел подкупить. О подьячих и протоколистах Сыскного приказа, полицейских и говорить нечего. Те как в одни вожжи были запряжены Каином, и он управлял каждым из них по своему разумению.

В преступлениях замешана вся московская власть!

— Всех заподозренных под суд! — повелевает Елизавета Петровна. — Для искоренения злодеев московскую полицейскую команду усилить солдатами из полевых полков!

Каин доносит на всех без разбору. Он делает это с тем веселым удальством, с каким разбойничал на Волге, врывается в притоны воровских шаек.

Это в песне его товарищи — темная ночь, булатный нож, тугой лук, добрый конь. А теперь, на допросах, — он дру-

гой. Донос, мстительный и коварный, становится его последней песней.

В день рождения, когда ему исполнилось 37 лет, — вынесен приговор: отрубить голову.

Плаха! Ему грозит плаха! Топор палача. Сколько раз он видел на Красной площади, как на Лобном месте казнили государственных ослушников. И теперь он сам взойдет на него по каменным ступеням...

Господи, совсем недавно с деревянной сцены, после «Игры о царе Соломоне», он кричал народу в назидание: «Не укради!»

Меж подмостками сцены и ступенями Лобного места каких-то полсотни шагов, коротенькая, смертная дорожка.

Полсотни шагов, а за ними вся жизнь, несправедная, постыдная.

И все же в последний час его помиловали. Учили чистосердечное признание, взяли в рассуждение, что не был убийцем.

Палач острыми щипцами вырывает ему ноздри. На лбу каленым железом выжигает три буквы: В.О.Р.

И ссылают его на вечную каторгу.

БЕЛОБРЫСЫЙ

В первый день августа 1755 года местные крестьяне видели, как через деревню Иваново Ростовского уезда проезжал малый обоз, который сопровождали несколько солдат.

То был день медового Спаса, пчелиный праздник, когда отцветают розы и на тра-

ву падают хорошие росы. По старинному обычаю в Спас купают лошадей.

Сразу за деревней, на лугу, пасся табун. Его сторожил белокрысый паренек. Разлегшись возле шалашика, он вытянул ивовую дудочку.

— Эй, лапшеед, где тут лошадей искупать? — обратился к белокрысому верховой солдат.

По всему видать, так уж повелось в деревне Иваново отвечать на обидное прозвище:

— Лапшеед? А че? Прозеваешь, воду похлебаешь, не осудишь и лапшицу. Ха-ха-ха. А что до речки — вон она, за леском, — отвечал паренек и снова взялся за дудочку.

Вскоре малый обоз с крытой телегой скрылся за поворотом — туда, в северные каторжные края.

Кто в той повозке? Барин ли, государев ослушник?

Белокрысый паренек приложил ивовую дудочку к губам и заиграл.

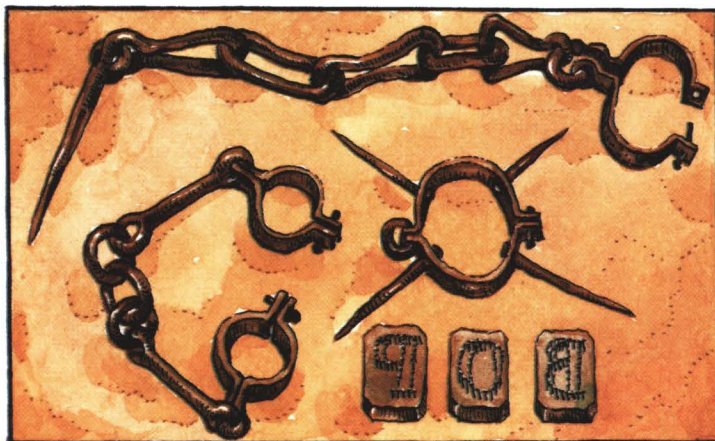
На чудную свирель сбежались кони.

— А ну купаться, милые! — весело позвал паренек.

Усталые кони зашли в воду и поплыли, отфыркиваясь. Стригунки, резвясь, скакали по берегу. Быстрая река пугала их и манила.

Первые, еще неяркие звезды отразились в реке.

От одной из них оторвался небольшой осколок. Падучая звезда прочертила потемневший горизонт, упала в южной стороне, у дороги, той самой которая вела в стольный город Москву.

РОССИЯ В XVIII ВЕКЕ

МОНАХ-
СХИМНИК

ГОРОЖАНКА

НИЩИЙ

ТОРГОВЕЦ
КЛЕТКАМИ

КАЛМЫК-
ТАБУНЩИК

ГОРОЖАНКА В ЗИМНЕЙ ОДЕЖДЕ

ДВОРЯНИН

БОРЧУК

БОГАТАЯ
ГОРОЖАНКА

ЧИНОВНИК

МЕЩАНИН

КАЛАЧНИК

АРХИМАНДРИТ

КВАСНИК

ГОРОЖАНКА
В ПОВСЕДНЕВНОЙ
ОДЕЖДЕ
С СЫНОМ

МЕЩАНКИ В ПРАЗДНИЧНОЙ ОДЕЖДЕ

ПАЛАЧ

РЯДОВОЙ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ
ПРЕОБРАЖЕСКОГО ПОЛКА

РЯДОВОЙ
КИРАСИРСКОГО
ПОЛКА

ОБЕР-ОФИЦЕР ЛЕЙБ-ГВАРДИИ
ИЗМАЙЛОВСКОГО ПОЛКА

ГЕНЕРАЛ

ПИСАРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗЕВАЕШЬ — ВОДУ		АХ, ТОШНО МНЕ,	
ПОХЛЕБАЕШЬ	4	ДОБРУ МОЛОДЦУ	25
КАМЧАТКА	5	СМЕРТЬ КАМЧАТКИ	26
НА ЦЕПИ	6	СЛОВО И ДЕЛО	27
ЧТО МОЖНО СОТВОРИТЬ		МЕСТЬ	28
ЗА ОДНУ НОЧКУ	7	ВОТ ВАМ ЗА ВОРОВО,	
«МАС НА ХАС, ДУЛЬЯС ПОГАС»	9	ВОТ ВАМ ЗА ЗДОРОВО	29
КЛИЧКА	10	КАИНОВО СЕМЯ	30
ТЯП-ЛЯП — КЛЕТКА,		ВАНЬКИНЫ	
В УГОЛ СЕЛ — ПЕЧКА	12	ПОДНОШЕНИЯ	31
КАК ВАНЬКА СТОЛОВОЕ		ПИВО ПИЛ, ПО УСАМ ТЕКЛО,	
СЕРЕБРО ВЫРУЧАЛ	14	А В РОТ ПОПАЛО	32
АРЕСТ	15	КАК БРАЛИ МЕДВЕДЯ	33
РАЗГОВОР НА ДВА ГОЛОСА	17	ИГРЫ О ЦАРЕ СОЛОМОНЕ	35
ЩИНКАРКА	18	ПОЖАР	37
АЙ ДА ВАНЬКА-ЧУДОДЕЙ	19	КТО «ДЕТУШКАМ»	
МАКАРЬЕВСКАЯ ЯРМАРКА	20	СПАСИТЕЛЬ	38
АТАМАН МИШКА ЗАРЯ	22	В.О.Р.	38
ЗОЛОТОЕ РАСПЯТИЕ	24	БЕЛОБРЫСЫЙ	41

*Рекомендовано Министерством образования РФ
для дополнительного образования*

ИСТОРИЯ РОССИИ

Король преступного мира

Ванька Каин

Для младшего и среднего школьного возраста

**Увлекательное повествование о судьбе знаменитого разбойника
и сыщика, о его невероятных приключениях и бесславном конце.**

Руководитель проекта Н. Астахова
Ответственный редактор Л. Яковлев
Редактор Е. Григорьева
Технический редактор В. Мороз
Корректоры О. Попова, Е. Коротаева
Компьютерная верстка М. Минаев

ISBN 5-7793-0126-3

ЛР № 064517

В издании участвовало
творческое объединение
при Фонде Ролана Быкова
101000, Москва, Чистопрудный бульвар, 12а, тел. 916-92-50.

Издательство «БЕЛЫЙ ГОРОД».
129626, Москва, ул. Новоалексеевская, 20а.
Отдел реализации — тел. 286-42-11
Оптовые поставки — фирма «Паламед», тел. 289-55-89, 288-75-36
Розничная продажа:
Торговый дом «Библио-Глобус», 101861, Москва, ул. Мясницкая, 6;
Санкт-Петербургский Дом книги, 191186, Санкт-Петербург, Невский проспект, 28;
книжный магазин «Свиток», 127018, Москва, Лазаревский пер., 2.

Отпечатано в типографии KoroPrint, Италия
Тираж 10 000 экз.

УДК 0875:[947+950]
ББК 63.3(2)
В17

© «Белый город», 1998
© Текст Ю. Крутогоров, 1998
© Иллюстрации, И. Савченков,
1998

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

Эти книги, рекомендованные Министерством образования РФ для дополнительного образования, увлекательно написаны, красочно проиллюстрированы, содержат много полезной и интересной информации об истории России.

Готовятся к выпуску:

«МОСКВА», «ДРЕВНЯЯ РУСЬ», «ЕРМАК», «ДУЭЛИ», «БОРИС И ГЛЕБ», «ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ», «ЛОМОНОСОВ», «ХРИСТИАНСТВО», «САМОЗВАНЦЫ», «ИВАН ГРОЗНЫЙ», «КЛАДЫ И СОКРОВИЩА».

ISBN 5-7793-0126-3

9 785779 301268

КОРОЛЬ ПРЕСТУПНОГО МИРА

Ванька Каин

Елизавета Петровна
(1709—1762) —
русская
императрица.

оузелер Драгунского полка

Краденые вещи хранили
у дворника монастыря.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА

Иллюстрированный словарь «РОССИЯ В XVIII ВЕКЕ»

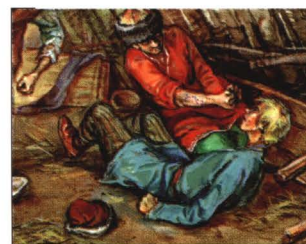

Генерал

Обер-офицер

Камчатка топориком выдрал
из сундука замок...

— В подвал его! — крик-
нул Адам Емелья-
ныч. — От ватаги нет
обратного хода...